

Степан Климов

Морщины времени
Избранное

Степан Климов

Морщины времени
Избранное

2012

УДК 82.161.1—32
ББК 84(а Рос=Рус)6—44
К 493

Климов Степан

Морщины времени. Избранное. — Томск: Графика ДТР,
2012. — 148 с.

Степан Климов родился в Риге, там же прошло его детство и первые отроческие годы. Во Французском Лицее Риги он получил классическое гуманитарное образование, там же, в Риге, отец дал ему отличные технические знания. Но применить их суждено было уже в Сибири, в ссылке в Каргасокском районе, тогда еще Новосибирской области.

Шестнадцать лет, проведенных между жизнью и смертью, полных боли и лишений, открытий и незабываемых встреч. Шестнадцать лет, которые навсегда остались в памяти.

Воспоминания этих лет и стали основой данной книги. Автор искренне надеется, что она поможет каждому восстановить связь времен.

Редактор-составитель:

Кристина Рейс

Корректор:

Виктория Ципилева

Художники:

Татьяна Кадетова, Анна Сорокина

Верстка, оригинал-макет:

Кристина Рейс

Обложка:

Кристина Рейс

© С. Климов, 2012

© Оформление ООО «Графика», 2012

Содержание

Предисловие.....	4
Весь Югинская.....	7
Великий немой в ссылке	24
Пивной опус	30
Морщины времени	35
РДК	52
Привычки.....	70
Лучи «Икс»	81
Моторные речные будни.....	93
Васюган в последний раз	118
На Оби	140

Предисловие

Двадцатый век ознаменовался для России веком огромных потрясений и потерь. Это время осталось в прошлом. Сейчас человечество пишет новую историю двадцать первого века. Но, на мой взгляд, невозможно написать новую историю, не познав прошлого. Об этом же говорит Гердер: «Человек сотворен, чтобы искать порядок, чтобы внести ясность в свой малый промежуток времени, чтобы грядущее строить на прошедшем, — иначе, зачем человеку память, зачем воспоминания?»

И для того, чтобы понять настоящее, понять, что это за книга, нужно вернуться в прошлое.

XX век. Рига. Климовы Анастасия Николаевна, Михаил Степанович и их сын Степан — счастливая русская семья. Степан учится во Французском Лицее, где получает классическое гуманитарное образование. А дома, в мастерской, вместе с отцом приобретает опыт обращения с техникой и механизмами.

Но наступает 14 июня 1941г. — день, который стал черной метой в истории семьи Климовых и многих народов бывшего Советского Союза. Течение мирной, тихой, спокойной жизни оборвалось: Михаил Степанович, офицер царской и белой армии навечно остался в Соликамске, в одном из сталинских лагерей. Анастасия Николаевна и сын Степан, были депортированы в Каргасокский район, тогда еще Новосибирской области, в деревушку Старое Югино, на берегу реки Васюган.

Именно здесь, в Сибири, и пригодились Степану полученные технические знания и навыки. Он стал одним из первых электромонтеров Каргаска, проводивших электричество во многие дома. Непосредственно участвовал в установке первого в Каргаске рентгеновского аппарата (а это ведь сотни спасённых жизней), работал на Станции Юных Техников, обучал мальчишек, как когда-то его самого учил отец, — держать молоток в руках. Степан Михайлович также учил мечтать, расширять горизонт интересов, увлекая своих воспитанников радиолюбительством, фотографией, судостроением, авиамоделизмом, а в Каргасокской школе №1, вместе с Анатолием Павловичем Трубачевым, создавал образцовый кабинет физики и оборудовал первую в районе пришкольную мастерскую для проведения уроков труда.

Шестнадцать лет в Сибири. Шестнадцать лет между жизнью и смертью. Шестнадцать лет, полных боли и лишений, открытий и незабываемых встреч. Шестнадцать лет, которые навсегда остались в памяти.

Полученное же в лицее гуманитарное образование проявилось позже, только после выхода Степана Михайловича на пенсию, когда появилась потребность писать рассказы.

«Морщины времени. Избранное» — это книга, состоящая из самых ярких рассказов-воспоминаний о ссыльных годах Степана Климова.

Материалы отобраны и составлены Кристиной Рейс, студенткой 3 курса Томского Государственного

университета. Иллюстрации выполнены выпускниками Каргасокской средней общеобразовательной школы №2 — Татьяной Кадетовой и Анной Сорокиной.

Все мы далеко не профессионалы. Но и ковчег был построен любителем, а что стало с «Титаником» известно всем...

И мы вместе с автором, искреннее надеемся, что наша книга сможет преодолеть все препятствия и стать связующим звеном между прошлым и будущим в океане времени.

Кристина Рейс,
студентка 3 курса филологического факультета
Томского государственного университета.

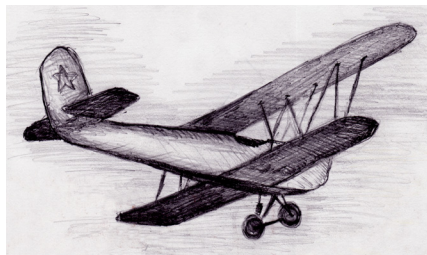
Весь Югинская

Не могу быть уверенным в достоверности того, что повествую о поселке Старое-Югино в котором прожито более двух моих сибирских лет. Наука говорит про постоянное обновление нашего тела отмиранием старых и нарождением новых клеток. Вероятно то же происходит с мозгом и насколько достоверным тогда остается воспринятое юношеской памятью у человека, остаревшего за 80 лет? Пусть это определит сам читатель, побывав в Старом Югине и поспрашивав его долгожителей о давнем.

В середине июля 1941-го года баржа с человеческим грузом причалила к берегу Васюгана. Стоял еще паводок. Невысокая ступень подмытой рекой суши могла служить геологическим срезом местной почвы, обнажая слой дерна, затем полоску гумуса, а ниже — сплошь желтоватую глину без единого камушка.

Любопытствующие поселяне вышли к реке поглядеть на «новеньких», для новеньких же, «новому контингенту» из Балтики, все здешнее смотрелось чужим, тревожным, вызывающим не любопытство, а опасение... Какой же была Старо-Югинская земля того давнего года — узорим, мысленно над ней поднявшись птицей.

Первым заметим белый номер, выведенный на крыше артельной

конторы. Он необходим изредка пролетающим самолетикам У-2, чтобы не потеряться среди необозримой тайги и бесчисленных топей. Вторым мы отметим узкую гривку между рекой Васюган и болотом, поросшим кривульником, вдоль которой идет улица с деревенскими избами и хозяйственными постройками по ее сторонам. Собственно тут не одна деревня, а две: небольшая, но самая старая — Остяцкий Конец, где главенствует еще прочный двухэтажный крестовый дом бывших владельцев этих мест Югиных, другая, более населенная, основалась высаженной тут на берег частью сосланного в Васюганье зажиточного сибирского крестьянства, «спецами», в лихолетие большевистской насильственной коллективизации. Комендатура прикрепила их к тут созданной промысловой артели имени Менжинского (чекиста недоброй памяти) Лесхимпромсоюза Каргасокского куста. Третьим, поднявшись еще выше, увидим поля, отвоеванные у леса каторжной хребтоломной карчевкой спецпереселенцев: Дальнее Поле, за которым стоит лес поселка Недоступный; Ближнее Поле, соседствующее с поселком; Поле Среднее за деревней на большом бугре среди болота и Поле Новое, в тайге за Остяцким Концом.

Не раз мне приходилось в разные времена года, при всякой погоде исхаживать здешние тропинки-дорожки и посему приглашаю совершить со мной пешую прогулку из конца в конец Старо-Югинских земель.

Начнем с Дальнего Поля, самого большого, при котором самое просторное гумно и где стоит такая особенность как Кульстан — избышка, построенная к очередной кампании по окультуриванию деревенского быта, предназначенная для коллективного принятия обеденной пищи. Правда, этой станцией никто не пользовался, разве только в день открытия в ней прочел лекцию о международном положении заезжий партийный агитатор из района. Но нам она замечательна тем, что отсель, с выси материка, открывается просторный вид через пойменные луга на противоположный берег Васюгана, где виднеется поселок Новое-Югино. Почему начальству Сиблага пришла фантазия повторить имя Югина в названии этого населенного пункта, в котором находятся отделение комендатуры, сельсовет, школа, контора лессплава, молочный завод и колхоз, не понятно.

Но, не раздумывая над этим фактом, двинемся в Старо-Югино проселком от Дальнего Поля, вдоль высокого материкового берега, через маленький перелесок до Ближнего Поля. Деревня начинается воротами поскотины, дорога наша тут имеет отростком тропинку к избе Лапковых, а за ними, к Путинцевым. Дальше никнет печальное место вечного упокоения, не отмеченное ни единым крестом, оплакиваемое лишь одинокой большой березой.

Продолжая свой путь, спустимся по мостику, пересекающего овражек, прорытый сбегавшей в реку водой болота, к просторному скотному двору. Здесь

стоят коровник, домик с единственным в поселке сепаратором ручного привода да птичник с тощими курами, мучимыми куриными вшами.

Овражек расширяется у скотьего двора, впадая в реку нешироким заливом, «гаванью» артельного флота: большого неводника на шесть гребей, нескольких лодок и сбласков. Поблизости находится главное производственное помещение артели — приземистое просторное строение бондарной мастерской.

За Бондаркой прибрежной участок отношения к артели им. Менжинского не имеет, принадлежа к засольному пункту Каргасокского рыбного завода.

От засольного до главной улицы деревни ведет переулок на который мы с читателем свернем. Однако, чтобы не запутаться, остановимся и оглядимся: рыбпункт у нас сейчас за спиной, впереди главная улица, а налево мы видим деревянные амбары хранения посевного зерна, муки из Каргаска и добра, подобающего держать под залпом. Здесь же стоит кузница с земляной крышей заросшей крапивой, около кузницы выставлена малочисленная нехитрая артельная техника. Все это огорожено единой оградой и может быть окинуто одним быстрым взглядом...

Перед нами теперь ладный дом Беспаловых, выходящий торцом на главную улицу деревни. Она и впрямь главная: широкая, просторная, зеленеющая травкой и кажется такой длинной, что ее Остяцкий Конец, частично заслоненный бугром, не рассмотреть с нашего места. На право от нас улица по обеим сторонам занятая строим изб и подворными

огородами. В ее продолжении по болоту проложена дорога в то самое Среднее Поле, которое нам уже знакомо по птичьему полету; зимой жители туда едут за дровами в тамошний березняк.

Обратившись к улице в другом направлении, мы увидим, что сплошная застройка вдоль ее тянется только до школы, а сторона речная отгорожена жердяными пряслами от склада, затем, на некотором отдалении, стоит клуб на пустыре, потом только соседствуют избы Иониных, Карчугановых и Кузминых. Возле последних Спецовский Конец кончается.

Однако в своем изложении я забежал несколько вперед: осмотр деревни в направлении Остяцкого Конца следует продолжать с избы Беспаловых, дабы не терять последовательность, и тогда мы минуем канатный станок — большое колесо, приводящее ремнем во вращение ряд маленьких колесиков с металлическими осями, на своих концах загнутых крючком. К этим крючкам привязываются льняные пряжи для сучения в бичеву или канат, смотря по их свиваемому числу, которое должно быть нечетным. Без вервия в крестьянстве не обойтись. Здешняя же упряжь вся веревочная, и потому само «канатное производство» рядом с конным двором. Конный двор обширен и доходит до Заднего Болота. На конном дворе находятся конюшня, овчарня, стоят телеги на деревянном ходу, а в его глубине складывают сено. Ежедневно на конный сходится крестьянский люд, ибо тут бригадир каждому дает разнарядку на предстоящий день, получив которую,

возчики снимают со своих телег колеса и мажут мазилкой из деревянной дегтярной бадейки деревянные оси телеги, кладут в нее нужную упряжь, выводят и впрягают назначенную конюхом захудалую лошаденку, которая даже своего имени не имеет. В самом низком звании тут быки, они ходят под ярмом, символом рабства. Тягла артели не хватает. Ремонтеры Красной Конницы уже в начале войны всех стоящих лошадей позабирали. Остался только выездной мерин председателя и то потому, что вопреки его бравому виду (его иногда овсом подкармливают), он скрытый инвалид. Командует конным двором конюх Сенов — важная персона — ведь у него лошаденку по дрова или по сено выпрашивают.

За конным двором возвышается на подклети контора. К ней поднимаются по уличным ступеням на площадку перед дверью. Таким строительным приемом подчеркнуто значение этого вместилища артельной власти, с высоты паперти которой слово председателя ее звучит непререкаемым колоколом: — Коровин сказал: ВСЁ!!!

Напротив конторы клуб. У конторы спортивное сооружение из врытых в землю двух столбов, соединенных в верхах перекладиной; с перекладины свисают два обрывка веревок от утерянной гимнастической трапеции — все это забытая физкультурная кампанейщина.

Недалеко по улице радует новопостроенная школа-четырёхлетка, имеющая одну общую классную комнату. При школе — квартира учительницы, об-

учающей местных ребятишек началам наук. Учительница — единственный в поселке человек, имеющий среднее образование. Продолжить потом свое учение ребятишки могут в Ново-Югинской семилетке, где для части учащихся — интернат, другим же — быть там пожилцами у знакомых. Оказией родители им посылают снедь, но иногда учащимся самим приходится за ней отправляться домой. Пути эти, совершаемые в зимние морозы и бураны, в памяти учеников остаются на всю жизнь...

Регулярно в почтовые дни, зимой, в Ново-Югино шагает артельный почтарь. Почтовая прогонная дорога идет правобережьем реки, минуя Старо-Югино. Через этого почтаря родители имеют связь со своими детьми, учащимися в семилетке. Спасибо ему!

За школой, прейдя под сколоченной из досок аркой, мы окажемся на Остяцком Конце. Вспомним о бугорке, который прошли, потому что тут гривка стала немножко шире, отодвинув болото, дав место Задкам на которых поселилось несколько семейств.

Остяцкий Конец начинается избой Скворцовых, держащих полное приусадебное хозяйство, хотя охотничьим и рыболовным

промыслом они тоже занимаются. Заселение Остяцкого Конца не так тесно, как спецовского. Около берега — небольшой пустырь с захоронением заросшим лебедой, отмеченным побурелым деревянным обелиском и скривившейся оградкой вокруг. Тут упокоен революционер забытого мной имени, о памяти которого, судя по могилке, никто не заботится. Дальше важное учреждение: лавка СЕЛЬПО с пекарней. Лавка продает хлеб по списку. Такое в Старо-Югино потому, что в поселке этом промартель и охотническо-рыболовецкий колхоз свободных националов. В обыкновенных спецпереселенческих колхозах, насколько знаю, хлеб не продают. Еще на этом конце живет бакенщик Госпароходства, самый неподначальный местной власти человек. К открытию навигации он на своем участке реки выставляет бакена, ночью в них зажигает фонари, отмечая фарватер; зимой нанимает рабочих, организует заготовку дров для пароходов. Эта заготовка не только оплачивается деньгами, но и отоваривается по военному времени отменно: мукой, крупой, сахаром. Кроме того, дело понятное, у бакенщика имеется и запас керосина. Личность его мне кажется загадочной. Человек он из вольных, бывалый, видевший не только одну Сибирь, умный и достаточно образованный, чтобы занимать более значительную должность, но вот, почему-то, прикипел здесь. Впрочем, он обжился тут отлично: похаживает на охоту, рыбалит для своего стола, словом, живет лучше всех!

Как замечалось раньше, главенствует своей основательностью в Остяцком Конце дом Югиных с обширными, уже начинающими разлезаться, подворными постройками. Стоит он на высоком берегу, над старицей у самой тайги, и смотрит фасадными окнами на простор распахнутых пожней, на луку Васюгана и на темный очерк лесов противоположного далекого пойменного берега. Место красивое и было еще красивей до того, как были вырублены кедры на гриве под поселение спецпереселенцев.

Горд таким домом был тот Югин, который возвел для себя эти хоромы. Как пережили Югины установление советской власти мне не известно. Я о том не слышал, ибо про бывшее местные жители говорить опасаются. Временами, в деревне появляется комендант, человек чахоточной внешности, никогда не надевающий в селении свою синюю форменную фуражку НКВД. Он заходит в хаты, добродушно беседует с домашними, но свое дознает. В деревне потому не исчезает настороженность и в избах утешающую иконку на виду не держат... Однако истины продолжают существовать скрытно, в том числе и во взаимоотношениях жителей обоих концов деревни. Вообще же выраженную неприязнь между живущими здесь этносами я не замечаю, но и особого общения между ними нет. В гости друг к другу не ходят. Комендатура отравила всех своей подозрительностью.

Последние месяцы нашего пребывания в поселке мы с матерью местожительствовали в доме Югиных. Там в комнатах сохранились еще остатки резной

золоченой мебели и удивляли огромные глинобитные, истинносибирские русские печисзатеями, и можно было себе по этим изжиткам представить совсем не похожую на теперешнюю, ту давнюю явь, которой жили богатые Югины прошлого...

Однажды, любопытствуя в тайге около этого жилища, я набрел на томбок с его воротцами и направляющими оградками — хитроумную ловушку на тетерева. Такое я видел впервые и при одной встрече рассказал о ней бакенщику. Тот отнесся к этому случаю очень серьезно, строго предупредив, чтобы я в те остяцкие

ловчие места больше не ходил. Такое посещение могло иметь не правильное истолкование и плачевные последствия для меня.

Однако, в завершение нашего путешествия нам надо еще

побывать на Новом Поле. Это небольшое поле вторглось в тайгу, стеснив собой в ней ближнюю охоту. К полю по корням ведет подобие тележника до свежей росчисти в лесу, по краям здесь еще громоздятся корневища пней. Кроме посева мы больше тут ничего не увидим и можем считать наше ознакомление с артельными землями оконченным.

Но остается жизнь в поселке. Она совершается каждый день. Для каждого жителя она имеет свои заботы и тяготы при малых радостях. У артельщика

это трудовая повинность, которая хуже барщины. Работа в артели препятствует ведению личного хозяйства, единственно питающего спецпереселенца.

Работа на артель оценивается в трудоднях, но артельный трудодень, в отличие от колхозного, все-таки оплачивается не натурой, а рублем. Учитывая труд артельщиков, по рабочим местам носиться бригадир со своим потрепанным планшетом и перекинутой через плечо мерной разножкой, замеряя и записывая кто сколько сделал, сдавая потом свои отметки в контору счетоводу. По рангу своему артель бухгалтера не имеет. Перебеленные учетные сведения контора потому шлет в бухгалтерию Каргасокского Лесхимпромсоюза, выплачивающую после окончания отчетного года заработанное, исключая из всего вычеты. За год редкий артельщик получит больше двух тысяч рублей. Но не следует думать, что все эти деньги придутся ему на руки... С него возьмут за артельные услуги: за вспашку огорода, за привоз сена и дров артельным тяглом, за полученное из артельного склада; отсчитают деньги выданные авансом на покупку выписанного в лавке хлеба, потом ему надо будет заплатить налог по самообложению, добровольно подписаться на государственный заем... и еще за что-то... в итоге, деньгами он получит самую малость. Те же, у которых трудодней не будет достаточно — окажутся еще и в долгах перед артелью. Выход у них остается один: на базаре в Каргаске продать выращенное в своем хозяйстве. Полное разрешенное личное хозяйство это: иметь корову с телянком, овцу, хрюшку, куриц;

однако, со всей живности полагается обязательная значительная госпоставка (молоком, маслом, мясом, кожей, шерстью), из-за чего самим остается не много, и каждодневный харч продолжает быть мясопустным, с упором на картошку и капусту. Кроме того, не каждой семье посильно держать полное хозяйство: для того в ней мужик должен быть семижилным и хозяйка ему под стать, или рослые дети подмогой, или когда хозяин на особом положении, состоя в членах правления. Те семьи, которые при таком состоянии уже срубили себе новые избы взамен наскоро построенных халуп первых лет поселения. Но большинство спецов живут на грани бедности, не имея сил подняться. Сущей бедой многих оборачивается недочет планового поголовья в артельном стаде. Тогда у артельщиков изымают молодняк для пополнения артельного поголовья по «контрактации», по закупочному контракту, то есть — за смехотворную цену.

Существует мнение, что местная земля не родит. Что ведение сельского хозяйства тут невозможно. Это ошибочно: хорошо унавоженная она плодородна. Если было бы не так: ни одному ссыльному тут нельзя было бы выжить! Причина беды не здешняя земля, а подмена народной общинной власти партийным командованием, заморочившим смысл артельного хозяйствования.

Артель Менжинского перегружена обязательствами: она гонит пихтовое масло, отряжает рабочих на длительные лесозаготовки или лесопогрузки, на стройку дороги, она занимается возделыванием

картофеля, севом злаков, держит скот и ведет молочное хозяйство, не имея по близости достаточных покосов. К сенокосу сенокосники грузят лошадь и конные грабли на неводник, да плывут за Вертикос, на луга Обского правобережья ставить сено... Артель делает бочки, имея превосходных бочаров, без уважения к своим мастерам. Если будет указание, их пошлют на любую другую, не требующую умения работу.

Мешок да бочка были исконной тарой на Руси и таковой остались при Сталине. Бочек требуется много: сухотарных и наливных. Я удивлялся тому, как ловко в бондарной мастерской работают умельцы, руководствуясь только глазомером. Каждый мастер

делает свою бочку от начала до конца, и все-таки все бочки, сработанные артелью, походят друг на друга как изготовленные по единому стандарту. Деревянная бочка, известно, готовится из деревянных дощечек, но здесь они — не пиленная, а колотая клепка; ее заготавливают зимой, руша в тайге столетние кедры, распиливая их прямослойную часть ствола на чурбаны, бросая вершинник без

всякого употребления гнить в лесу. Колют клепку, наставляя на торец чурбака топор и по его обуху ударяя колотушкой — так прямослойная древесина на морозе легко, чисто и звонко, рассекается на дощечки. Артельная бочка особая, без железных обручей, однако такой прочности, что годится под засыпку или, более тщательной поделки, к засолке рыбы. Обручи для бочек делают из побегов тальника, расщепляя их на половинки и, обработав, вырезают в концах хитрый замочный зацеп. Нужный для обручей тальник по Васюгану не растет и за ним в неводнике, в многодневный поиск, отправляются на Обь.

Артель беспокоят бесчисленные, постоянно наезжающие из района, уполномоченные и особоуполномоченные: по пахоте, по подготовке к севу, по заготовке сена, по уборке зерновых, по обмолоту, по сдаче зерна, по проверке культмассовой работы, по закупке ягод, по заготовке дубсырья, по изготовлению лыж и ружболванки и еще всякого такого, чем еще можно обобрать беззащитного невольного артельщика. Весной и летом такие уполномоченные задерживаются дольше, живут обыкновенно в отдельной комнатке у Путинцевых, содержащих свой дом в староверческой чистоте, бродят по лугам подстреливая уток, и следят, чтобы крестьянство работало в страду как положено: от зари до зари.

Те, которые видели шедевр советского агиткино «Трактористы», помнят там показанной, не существовавший в действительности, сказочно меха-

низированный, веселый сельский лад, созданный режиссерским воображением Мосфильма. Посмотрим, какой техникой располагает артель им. Менжинского, для чего возвратимся на двор склада, где около кузницы вся ее сельская механизация расставлена на виду: конная косилка, двое конных граблей, молотильный барабан вместе с конным приводом к нему, да косилка-лобогрейка, которой не пользуются потому, что она мотовилом зерно из колоса вышибает. Жнут бабы серпами, в перегиб, до боли в пояснице и на эту работу их сгоняют всех, не различая возраста. Еще из механизмов в самом складе, где готовится посевной фонд, имеются триер и веялка. Пытается эту технику содержать действующей кузнец Ионин, сутулый, иссохший и прокопченный, укорачивающий свой век курением крепчайшего самосада из медной трубочки с деревянным мундштуком. Если взглянуть на инструмент, которым он пользуется в кузнице, то даже человек далекий от кузнечного ремесла, только по виду вещей, признал бы их совершенную непригодность к чему-либо, кроме как выбросить.

Прочтя все предыдущее, невольно можно сделать весьма скорбное заключение о Старо-Югино и ошибиться. В отличие от многих других поселков по Васюгану — Старо-Югино живет будущим! Будущим превращением в рабочий поселок! Вести отаком из Новосибирска слышатся давно и, неожиданно, область, наконец, присылает чертежи лесопильного завода с приказом начать его строительство.

Это вносит большие перемены. Коровин по своей малограмотности больше не может держаться одним подкаблучничеством перед начальством, и заменен Шестаковым, работавшим в Каргаске бухгалтером. Шестакову любая приезжая штафирка из района уже не указ, как Коровину, и от этого полегчало всем. Люди теперь работают на стройке и получают хлебный паек. А шла война! Возведение завода подвигается, к чему тоже имею причастие: весь тес крыши перестругал в паре с другими и проканавил канавочником. Весенней водой пришла пилорама в частях, но ржавая и покрытая грязью от долгого лежания по закоулкам пути. Естественно выходило ее собирать нашему кузнецу. Ионин теперь каждодневно ходил около этого в кучу сваленного железа, пытаясь в нем разобраться. Получилось однажды мне тоже стоять при том в момент, когда Шестаков принялся налегать на Ионина чтобы тот, наконец, начал сборку рамы, а кузнец наш лишь отвечал окольно. Видя меня внимательно разглядывающего разрозненный механизм, Шестаков в шутку спросил:

— Может быть, ты умеешь собрать это? — и был удивлен моим дерзостным ответом:

— Смогу! Только вычистить все прежде надо хорошенько!

— Редьку с десять! Вот специалист где нашелся! — сердито возмутился Ионин, — ты и лошадь-то как следует запрячь не способен, а тут тоже туда — машину сложить вообразил!

Действительно! Кузнец был свидетелем моего позора на конном...Я все допрежь приглядывался к тому, как запрягается лошадь и был уверен это сделать, однако проглядел, что надевать хомут надо его предварительно перевернув. Когда на одной из первоначальных разнарядок я сам взялся запрягать лошадь, не дожидаясь своего возчика, то оконфузился так, что из затеи получилась умора сопровождавшаяся повальным хохотом всех зрителей. Представьте меня тщетно пялившего не лезший на голову испуганной лошади хомут, а та, храпя и кося непонимающим белым глазом, пятилась от меня по всему двору! И вдруг такой несмышлениш берется за такое, что и для него, кузнеца Ионина, предельно сложно! Но Шестаков не был Коровиным, тот в подобном случае меня бы и взглядом не удостоил.

— И вправду, все это сначала вычистит надо! Так пусть малец этим и займется!— сказал Шестаков оскорбленному таким решением кузнецу.

Чтобы быть кратким скажу: пилораму я собрал, войдя тем в историю строительства Старо-Югинского лесопильного завода. Сборка далась не трудно, на Юрмале я был частым наблюдателем рамщика тамошнего завода у реки Лиелупе.

В завершение напомним краеведам, что сложенная из кирпича на цементном растворе стена, отделяющая на лесопильном заводе помещение локомотива от рамного цеха, является первой такой кирпичной стеной, возведенной в Каргасокском районе.

Великий немой в ссылке

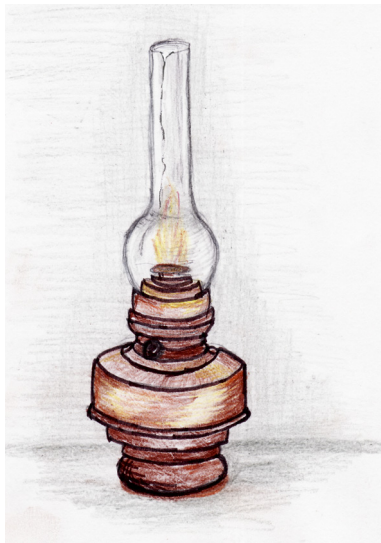
Тук-тук-тук! — стучат в затянутое белой мохнатой шубой инея оконце, за которым сибирская ночь. Мы настороженно слушаем, ожидая очередную неприятность: мобилизацию на лесоразработки, вызов к коменданту... Но нет:

— В клуб идите, артель кино откупила!

Единственный наш источник света, рдеющие угли, в зеве печи уже дотлевали, пора было закрывать вьюшку и ложиться спать — а тут кино! Кино в занесенном снегом глухом от бездорожья поселке нарымской ссылки? Кино в насквозь промороженном срубе называемом клуб? Но мы слышали: нас приглашали в кино!

Любопытство взяло верх над нежеланием покинуть теплую домашность натопленной избы, и мы заскрипели по снегу в стужу выжимающей слезу из глаз к обещанному зрелищу.

В клубе на досчаном помосте сцены стояла керосиновая лампа, в заклеенном по трещине стекле которой мерцал немощный огонек в напрасном старании рассеять наседающую на него

со всех сторон темень. Народ собирался, отряхивался от снега, откашливался, гремел, переставляя скамьи; избач¹ крепил к стенке кусок белой материи, незнакомый нам человек в заношенной фуфайке и ушанке, по переменке дыша на свои озябшие руки, извлекал из обшарпанных ящиков аппаратуру, устанавливая ее на столе.

По разговорам наших соседок выяснялось о кино следующее:

— Это недоступнинские его привезли. Замаялись: по полям дорогу шибко замело. А тут еще наш Коровин с булгахтером им говорят: «Ежжайте дальше, нам кина не надо, в артели на него денег нет!» Тут недоступнинские сильно ругаться зачали: у них кони пристали, а до Щучьего ведь лугами ехать! Только Жиров Коровина тогда политикой припутнул, мол, саботаж это делаете советской культуре и против власти идете!

— А Жиров то кто?

— Давотон! Механик киношный! Говорят, с Ленкой, что на молочном в Каргаске работает, живет.

— Это Никитиных?

— Ага, вроде с ней.

— Ишь ведь, словчилась с артели сбежать!

— Словчилась!

Тем временем механик, повернув какое-то подобие сепаратора² к скамье, обратился к зрителям: «Которые у вас тут посильней — идите динаму крутить!» На что из темноты ответили голоса: «Известно! Федька пусть идет! Ему сил своих девать некуда!»

1. Заведующий клубом.

2. Динамо-машина «ЛУЧ».

Федор, сын самого справного мужика деревни — члена правления артели — Куковкина. Куковкины недавно закончили ставить себе новую избу с крышей, в два теса крытую, взамен прежней халупы первых лет спецпоселения. Дрова к зиме у них всегда с запасом, огород ухоженный, до лета подпол богат овощью и вообще хозяйство держат полное: корова, теленок, свинья, курицы... Умеет мужик ладить и с начальством! Сам небольшого роста, но кряжистый и жена такая. А вот Федор уродился у них неизвестно в кого: такой высокий и сил ему действительно девать некуда... Завидный жених! Да все еще в холостых ходит, все с парнями вечерами по улице бродит, соромные частушки распевая, людям спать мешая!

— А что я один за всех вертеть должен! — жеманиться Федя. — Пусть ешше кто вертеть подходит!

К тусклой лампе подходит Иван Возлов. Этот ниже Феди, но сбит плотнее. Он тоже не в отца. Отец высок, крупен костью, любитель выпить по всякому случаю или поводу, и потому Возловы живут в малом достатке. Однако старый Возлов первейший ерник и все боятся попасть ему на язык! Сын речевого дара отца не имеет, но его крепкий кулак тоже уважаем. Иван постоянный соперник Феди. Механик еще что-то подключает к динамо и командует: «Ну, теперь пошел!»

Федя начинает раскручивать машину, на что она отвечает нарастающим воем.

— Тише крути, дьявол, — кричит киномеханик. — Лампочку пережжешь!

Теперь все освещено маленьким стеклянным шариком, который излучает чарующий всех «лекстрический» свет пока аппарат заряжают бобиной взятой из помятой жестяной круглой банки. Операция заканчивается громким щелчком захлопнутого фильмового канала.

— Товарищи! — повышает голос киномеханик. — Прошу не курить и не задымлять воздух! Вот ты там — брось свою сигарку! Внимание! Вам будет показала картина про героя Красной Армии, Чапаева!

Сияние шарика тухнет... Некоторое время все сидит в темноте... Свет сейчас поселился в самом киноаппарате и когда механик начинает вращать его ручку, то под стрекот бегущей пленки, сквозь дождь царапин и пятен на экране проявляется все яснее надпись ЧАПАЕВ. Это немой вариант картины с пояснительными титрами. Среди зрителей мало грамотеев успевающих прочесть тексты и потому киномеханик разъяснения берет на себя.

Из темени: — А эти кто?

Механик: — Эти наши!

Зритель: — А тот, что с Чапаевым разговаривал?

Механик: — Комиссар! Ведь написано было!

— Очень ты парень быстро крутишь, прочесть не успеть!

— Учился бы в школе лучше!

— Не до учебы было! Таких как ты кормить надо было!

— Не помню, чтобы ты меня кормил!

Из темени: — Да хватит вам! Картину смотреть мешаете!

Бегут кадры. На экране белые офицеры, покуривая папиросу, сомкнутым строем, как на параде идут в психическую атаку...и вдруг, в самый напряженный миг свет в аппарате тухнет, все погружается в тьму! Только некоторое время продолжает выть динамо.

— Свет зажигайте! Приключилась авария! — кричит механик.

В темени: — Пелагея! Лампу зажигай!

Теперь за происходящим можно следить только слухом. Кто-то падает, чертыхаясь, взвизгнул девичий голос, опрокинулась скамейка. Чиркает и потухает спичка. Чиркают другую и, горящую, поднимают над головой высоко. При свете ее вырисовывается Пелагея силящаяся разглядеть, где находится керосиновая лампа. Спичка догорает обжигая ее пальцы. Зажигаются спички другими еще и еще. Наконец, лампа найдена и зажжена.

Неполадка обнаруживается механиком у ног Федора:

— Ну вот, что своими ножищами наделал: провод выдернул! Поостеречься не мог, словно ведмедь какой!

От этого замечания некоторые девки прыскают смехом, а Федор обижается:

— Коли я ведмедь, пусть другой кто крутит!

— Да ладно! Крути уж! — кричит народ.

— Сказано: не буду! И все!

Тогда его отодвигает Возлов:

— А ну пусти, коли не могишь! Зауросил!

Кино продолжается. Смотрят картину обстоятельно, иногда прокручивая назад для повторения. Когда на экране фигурки необычно пятятся, то в клубе смеются. Помещение надышали, мигают запрещенные огоньки самокруток, стало уютно, и расстегиваются фуфайки. В самом конце картины никак не могут разобраться: переплыл ли Чапаев реку живым или утонул. Сколько не повторяли картину, но последнее скрывалось непроглядной завесой царпин...

Пивной опус

Гамбринус, как известно, был европейцем, почему пиво тоже продукт европейской цивилизации, ставшее, благодаря его изобретению, увлечением жителей этого континента. Древнерусские же варили крепкие меды соответствующие их нраву и ими веселились князья со своими дружинами до увядания киевской славы. Потом междоусобицы, последовавшее иноплеменное иго, привели к единому государству, цари которого стали любопытствовать — как в соседях живут, что едят и, естественно, что пьют. Чтоб лучше видно. Петр прорубил на Запад окошко, и это повлекло за собой кучу реформ. Одним из их шумных последствий было возведение старика Зотова в ранг Всепьянейшего за его пристрастие к голландскому пиву (от простой водки не отказываясь). Но, конечно, не от этого одного слава пива стала шириться по всему миру!

Даже богиня Клио не смогла бы сразу ответить, по какой исторической необходимости меня переместили с берегов Балтики в отдаленные земли Западной Сибири, где царил деревянный век, потому что в болотном Васюганье Бог камней не создал. Но пили тут не одну воду, о пиве были наслышаны, чему следует рассказ.

Советская власть тех времен, заботясь о трезвости поданных, содержала оных, на постоянной строгой диете. Но раз в году, а Великий Праздник Октября, в память даты открывшей человечеству дорогу в бу-

душный рай на земле, советская власть угощала свой пролетариат казенным пиршеством, рассаживая его без разбора рангов и чинов — словом без местничества, за общие товарищеские столы советских организаций в которых он работал, строя мировой коммунизм.

Итак, меня переместили в поселок Старое Югно, приравняв к статусу административного ссыльного группы «новый контингент», и определили на труд в промысловую артель имени Менжинского (известного неумолимого работника ЧК). Там я босо дожил до 7-го ноября, увидев, как готовились к угощению артельщиков и, как смешались понятия о пиве и браге, породив конфликт местного значения...

Владыка этого населенного пункта (в отсутствие коменданта НКВД), был председатель артели Артамон Самсониевич Букин, человек просвещенный, хотя и расписывающийся с некоторым затруднением, слышавший стороной о настоящем заводском бутылочном пиве распиваемого в столицах, сам никогда такого не пробовав. Что не доступно — всегда желаемо...

Случилось так, что в числе приписанного к Старо-Югино «нового контингента» в аккурат оказался директор рижского пивного завода «Ил-гуциемс»! Узнав о том, Артамон Самсониевич смекнул, что туманное представление о заводском пиве может воплотиться в явь близким государственным праздником. Ян Янович был вызван в артельную контору, там допрошен Артамоном Самсониевичем, после чего рижский пивовар получил задание

сварить к Октябрю настоящее высококачественное «Рижское» пиво, имевшее заслуженную известность в Европе.

С этого момента реноме Яна Яновича в деревне поднялось до небес, освободив его от повседневного артельного тягла! Пока остальной «новый контингент» трепал одежку, заготавливая в лесу дрова или коля клепку для бочкотары, Ян Янович колдовал в пивоварне оборудованной в помещении водогрейки на молочной ферме. Теперь даже Артамон Самсониевич здоровался с ним за руку, заглядывая в пивоварню проводить тамошние дела. Что говорить о остальных артелях! Когда с большим тщанием пивное сусло было разлито по двум бочкам сработанных в бондарке под наблюдением Яна Яновича, то ему пришлось переселиться в пивоварню и там недреманно охранять пивные краны бочек от норовящих «попробовать» недозревший продукт, открывать дверь только по условному стуку, остальное время, держа ее на постоянном крючке. Одна лишь тетка Матрёна, уборщица и прежняя неизменная варщица браги артельных застолий, пренебрежительно поджимала губы, как только речь заходила о Яне Яновиче или его пиве.

Наконец, настал день, когда «фабрикат» был объявлен готовым: Артамон Самсониевич, а за ним гуськом артельный счетовод и Васька-бригадир вошли в пределы Яна Яновича, чтобы приступить к дегустации долгожданного напитка. И все-таки, председатель артели, возможный будущий кандидат в партию и потому бдительный, не начал первым (кто знает,

что там ссыльный латыш наварил?), предоставив быть подопытным Ваське, который опасался пить лишь серную кислоту из пимокатни. Конечно, и на сей раз Васька раздумывать не стал, но одним духом опорожнил пышнопенную кружку, которую Ян Янович с шипом нацедил из крана бочки. Крякнув и потом, отрыгнув Васька удовлетворенно изрек:

— Скусно!

Однако после того застыл в каком-то безмолвном ожидании, по продолжению которого, на его лице все более и более усиливалось выражение недоумения, заставившее, наконец, начальство спросить: — Ты это что?

— А, ничё! — кратко ответил Васька.

— То есть как это «ничё»? Говори ясно! — потребовал Самсоныч.

— Так что не забирает! — ответил Василий, разводя руками.

Такое, после всех хлопот с заводским пивом, Артамону Самсониевичу показалось совершенно не возможным, и он самолично решился определить качество получившейся продукции. Взяв вновь налитую вспухающей пеной кружку и вытянув губы трубочкой, он сперва ими недоверчиво втянул влагу, чтобы потом смелее и, уже с удовольствием смакуя, выпил вкусное пиво. Потребовав повторную кружку, чем обидел счетовода обойденного чередой, председатель опорожнил и ее, но через время его дуги бритых бровей грозно сдвинулись к переносице, там выпрямились, образовав прямую:

— Ты что, понимаешь, задумал нас кваском вместо пива потчевать!!! — навис он над Яном Яновичем, — сколько, понимаешь, добра извел! А крепости в твоём пиве кот наплакал! Это, понимаешь, настоящим саботажем пахнет и, можно сказать, есть диверсия против Октябрьской Революции!!!

Так бедный Ян Янович в раз был уничтожен, а европейское пиво не признано... К счастью, Ян Янович ни в тюрьму, ни в Сибулаг не угодил: подправить негодное пиво взялась тетка Матрёна своими способами. Ей это удалось отлично, подбавив в него тертую картошку, сушеных цветов багульника и свежих дрожжей, так превысив все прежние обыкновения. Пир шел в клубе весело, с пельменями и пирогами: избач Трутов, сказав вступительную речь, приняв всего стакан, стал изображать собаку, и на четвереньках выбравшись во двор, начал грызть угловое бревно сруба; бондарь Федька так и не смог по обычаю потрепать жену после застолья, но, погнавшись за ней с первых же своих шагов свалился и заснул... Праздник прошел удачно: недовольных не было.

Морицины времени

До весны на пихтовый завод! Обухом ударила меня сегодня конторская разнарядка. Три месяца разлуки с мамой! Кто будет ей привозить дрова, кто будет их пилить и колоть в мое отсутствие! Как оставить ее одну на столь долгое время! Новая неожиданная напасть!

Но нечего делать — даже учащихся деревни отправляют на завод, отрывая от занятий в Ново-Югинской семилетней школе.

Шел второй год войны. Тугая пора, когда спецов призывного возраста стали брать в армию, забыв об их кулацких грехах. Так возросли людские потери на фронте!

Для каких-то неперенных нужд оборонной промышленности возникла срочная потребность в пихтовом масле, вырабатываемом нашей артелью имени Менжинского Каргасокского райлесхимпромхоза. Без взятых на войну теперь в поселке рабочих для завода не хватало...

Погоревали мы с мамой, да деваться некуда! Меня чуть успокаивало слово ЗАВОД: в моем представлении горожанина им рисовалось солидное производство с неперенной заводской трубой.

Обоз снаряжали несколько дней. Хорошие лошади реквизированы военкоматом с самого начала лета. Остались или совсем молодь, или тот «живой инвентарь», что измученный, никогда овса не выдавший, обессиленно и жалко застывал в оглоблях обыкновенного воза.

Между тем везти требовалось много. В первую очередь сено, потом металлические бочки, муку, картошку, вилы... словом, всякое. Снаряжаться к долгой таежной работе надо также людям. При нашем с мамой достатке я с собой взял немного: топор, шерстяное одеяло еще рижской постели, соль, спички, ложку, котелок, кружку к чему мама собрала скромную снедь на ближние дни. Колхоз на все про все отпустил пустой мешок и пару пластин жмыха. В нижние углы мешка я положил по большой картофелине, привязал к ним снаружи вместо лямок веревку, набил получившийся «рюкзак» своим добром. Вот всех-то сборов! Но обоз снаряжался трудней, и только после нескольких дней десять дровней с поклажей, покрытой навешенным сеном, туго зажатым бастрыком. Поутру двинулись, спустились на лед Васюгана, чтобы на той стороне, поднявшись и миновав прибрежное тальниковое кустовье через распах пойменного луга взять направление на соседнюю деревню Щучий Мыс. Был конец января, метелило. Редкоезжий санный путь занесло, и торить его предстояло заново.

Хилым лошадям такое не осилить, поэтому бригадир наш, Соловьев, которого неизлечимая хворь избавила от фронта, единственный среди собранных подростков и баб опытный мужик, распорядился всем протаптывать перед обозом дорогу. На открытой луговине резко тянуло двадцатиградусным морозом, пронизывая стынью мою плохонькую, куцую, безворотниковую фуфайчонку. Но нас было много, в основном девицы и молодухи, бойкая рабочая сила,

привычная к невзгодам, и среди них терпелось легче. Щучий Мыс миновали ходом, преодолели взвоз материкового берега и дальше по саннику, уже лесной оттишью, достигли Белый Яр к полудню. По времени можно бы еще ехать дальше, но Соловьев предусмотрительно приказал свернуть на конный двор и распрячь лошадей на сегодня, потому что предстоящий путь длиннее, и засветло до следующей ночевки не доехать, а в темноте не хитро заблудиться в дорожных таежных развилках, до места не добравшись.

В Белом Яру я был впервые. Тут почти все жилища остались еще первоначальной скорохватной постройкой с косматыми постарелыми соломенными крышами. Скучно жилось здесь колхознику! Наверно, названием Белому Яру больше пристало бы слово Бедный Яр. Я присоединился к Рузаеву, молодцеватому ученику последнего класса Новоюгинской семилетки, с занятий, решившему переспать в хомутарке конного двора, договорившись о том со стариком конюхом, что вместо него погонит его лошадей к вечернему речному водопою. Хомутарка оказалась просторной с вбитыми в стены деревянными штырями, на которых висела сбруя: председательская, кожаная, украшенная латунными бляшками, на почетном месте среди прочей веревочной да лыковой. Пахло дегтем и лошадьми — терпко, но приятно. Вдоль стен лавки, под окошком подобие стола, к нему два чурабана сидениями, но главное — большая плита, которая с запасом березового долготья обещала теплую ночевку. Наперво надо было напилить и наколоть дров,затопить,

устроить себе лежбище из валявшихся в углу кулей. День затухал, когда мы вернулись с водопоя. Уже в темноте подложили в плиту еще дров, поставили кипятить воду в котелке, открыли дверцу топки для света и каждый при своем харче разговорились. То, наверное, было моим первым близким общением с сибирским сверстником. Крепыш Рузаев оказался серьезным юношей, поставившим себе цель после среднего обрести высшее образование, очень расстроенный нежданной помехой в учении, винившего в том податливого начальству председателя артели. Забегая вперед скажу, что на пихтовом мы подружились, работая бок о бок. Судьба его печальна: весной Рузаева взяли на фронт, а к осени он пал, защищая свою мечту стать вольным человеком.

Поутру следующего дня Соловьев, не без труда, собрал свою команду, разбрелшуюся на ночевку по всей деревне, и обоз снова тронулся, вскоре въехав на таежную, вроде бестолково виляющую дорогу, выкрутасы которой, однако, обоснованы: таежная дебрь прямоездок не знает, и пути в ней выются очень целесообразно между стволами векового леса, между бочажинами, минуя впадины, по равновысоким гривам. Ведь не гатить тут столбовую дорогу для нескольких ездов в году!

Сравнивая основательно сработанные и окованные прибалтийские сани с местными дровнями, на первый взгляд кажущиеся неуклюжими, совершаешь ошибку, не учитывая пятидесятиградусные морозы, при которых железо становится хрупким,

как стекло, ни таежной ухабистой дороги, где на поворотах стерегут пни да колоды, готовые намертво зацепить воз так, что любая оковка треснет, оставив беспомощным без кузнеца...

Дровни же лишены жесткости, приспособливаются к самому ямистому саннику, отталкиваются отводами от препятствий, и если где-нибудь все-таки лопнет закрутка оглобли, то она мигом будет заменена новой, такой же веревочной. Дровни в тайге — это почти «Контики» в океане! Надо в свою деревенскую моготу приноравливаться к тому, что бог окрест устроил. Потому сибирский мужичок весной отправляется в березняк, тешет там топориком заготовки, гнет нехитрым приспособлением на полозьях головки да и возвращается на первый раз домой. А потом, в летний досужный день, заготовки привезет да дома остальное обделает. Вдолбит и вставит в полоз копылы, накроет их грядкой и свяжет все тальниковыми вязками в безотказные дровни. Все сам, без кузнеца и кузницы.

Скользят дровни по дороге, поскрипывая, с нависших веток осыпается пороша, Соловьев в драном тулупе лежит на первом возу, а большинство наших в развалочку шагают за обозом ватагой. Перед нами белоярские недавно обновили путь к своей дегтекурке так, что нам лошадьми править не надо, но брести по взрыхленному копытами броду, как по глубокому песку, томительно. К вечеру все приустали и оголодали. Смерклось совсем, когда, наконец, достигли дегтекуров. Из темени вступили в их стан, нам

он кажется ярко освещенным, хотя тут горит всего одна лампа с прикрученным фитилем. Хозяев здесь только шестеро, из них четверо уже укладываются на ночь. Остальные дежурят при казанах. Барак для его сегодняшних насельников слишком велик. Они жалуются, что дров на топку идет много. Но к весне сюда сгонят уйму народа драть бересту, и тогда станет даже тесно... Эта берестяная повинность для колхозника сущим наказанием становится. Ближние чистые березняки уже все ободраны, и бересты на зиму надо сюда сваживать уйму издала да топлива казанам прорву наготовить... Деготь же дешев, поэтому трудодень тощий, тянущий колхоз к нужде.

Хозяева торопят нас устраиваться ко сну: керосин для лампы нужно экономить. Мы наспех приносим новые дрова, накладываем их к горящим и при свете печи сообщаем новости. Собственно, то не новости, но взъерошенные ползучие слухи, которыми надо обмениваться осторожно. НКВД и тут может иметь свое ухо. Фронтовые, сложенные треугольником, заклеенные хлебным мякишем солдатские письма без марок с одним лишь указанным обратным номером полевой почты, еще не начали поступать. В селах нет радио, в единственной еженедельной местной районной газетке, получаемой конторой, только несколько строчек о наносимых Красной Армией ударах и о ею снова оставленных населенных пунктах N. Глухо! Непонятно!

Поужинав кипятком с куском хлеба, расстелив фуфайку на нарах и положив под голову свой мешок, погружаюсь в сон. В досветках чуть разбужен при-

шедшей сменой дегтекуров, своими возчиками, вставшими по лошадиным заботам, снова засыпаю, пока не поднимает Рузаев.

— Эх, как разоспался! — будит он. — Собирайся, другие уже готовы!

В бледно-розовом рассвете движемся по давно неезженной дороге, но снега нападало всего с ладонь — лошади идут без натуги. Соловьеву наскучило лежание на переднем возу, он подзывает меня, передает вожжи и отправляется в хвост обоза. На его месте под тулупом мне хорошо. Лошадь идет сама по себе с отпущенными вожжами. Впереди ровная гладь пути с росписями лесного населения: следы, стежки, точки, узоры крыльев. Читать их не умею, но по ним видно живое множество обитателей зимней тайги. Стреко-ча, перелетают сороки, любопытствуют бурундуки.

К полудню дорога выходит к подобию овина — конюшне пихтового завода. Январский день короток, он заставляет всех спешить с обустройством. Место, где придется жить, открылось в урмане распадком, по дну которого подледно течет ручей. Здесь на плече гривы виднеется заснеженный приземистый бревенчатый барак с единственным продолговатым окном, смотрящим в низину, на избушку артельной пекарни, с другой стороны различается навес, и около под снегом скрытое нечто, из которого вверх торчит журавль со свисающей с его конца веревкой...

— Так где же пихтовый завод? — недоуменно спрашиваю Рузаева.

— Да вот он! — отвечает, указывая на замеченный мной навес и то, что вокруг него.

— А труба?

— И труба есть! Сам после увидишь!

В тот день мы отгребли снег около сруба, напилили и накололи дров, снесли свои вещи к жилищу. Картошка под сеном на возу все-таки поморозилась, и ее в кулях подняли на крышу пристанища, чтобы не оттаяла, затопили железную печь для прогрева и просушки помещения. Поленья сухостоя загорелись споро, огонь сабанил в железную трубу, разогревая ее до красного накала. Внутри стало влажно и парно, из распахнутой настежь двери наружу валило белое банное облако.

К вечеру поселились и устроились. Над железной продолговатой печкой приладили сушила для одежды, обуви и портянок. Около окна поставили длинный стол, где на его святом бригадирском конце Соловьеву вести отчетность. У стены — ларь с мешками муки для выпечки хлеба, запираемый навесным замком. На ларе — весы, отчетные бумаги, лампа. Около него — бидончик с лимитным керосином. Во всю противоположную стенку общие нары и еще несколько скамей. Это вся здешняя мебель.

Я устроился возле стены напротив входной двери, на нарах рядом с Рузаевым, положив под них свои вещи. Дальше прочий мужской пол, потом уборщица и рядом пекарка тетя Маша, за ней — остальные женщины и девицы. На другой день всех нарядили на работу. Часть обозных возчиков еще осталась на день налаживать завод. Послезавтра они возвратятся в Староюгино.

Меня вместе с женщинами отправили готовить пихтовую лапку, дав секач — орудие для срубания пихтовых веток, похожее на мачете. Возчики проторили главную дорогу в лесу, у которой надо заготавливать и складывать лапки в прямоугольные «могилки» для замера дневной нормы выработки. Норма — это право на 600 граммов хлеба. Я выбрал себе поросль пихтача, по моему разумению, достаточно густую, чтобы тут исполнить дневной урок. Вытоптал снег для будущей кучки, стал срубать и сносить к ней ветки. Однако уже к середине дня мой ближний лапник иссяк, лапку надо было таскать издали. Норму я в тот раз не выполнил. Не выполнил ее и в следующие дни, совсем не умея на глаз определять нужный для этого «массив» в пихтаче. Со стороны моей матери в роду были лесопромышленники, скупавшие по Двине лесные делянки на сруб, затем сбивавшие бревна в плоты, которые по весне сплавлялись до рижских лесопилок. Их брокерских качеств не унаследовав, пришлось, тощая, существовать на 400 граммах и мерзлой картошке. Не знаю, как долго все так могло продолжаться, если бы следующим обозом не пришло распоряжение отозвать в Староюгино нашего возчика Беспалова. Рузаев замолвил за меня словечко Соловьеву, с которым работал гонщиком, и меня перевели в возчики.

Это давало постоянные дневные 600 граммов. Правда, рабочий день начинал с позаранок, чтобы успеть сводить лошадь к водопою, сколоть конские яблоки, примерзшие к полу конюшни, сменить подстилку, подбросить сено в ясли и снова поставить лошадь

в стойло до выезда, затем еще прикорнуть часок. Зарей опять встать перед другими, обновить главную лесную дорогу, съездить к намеченному прошлым днем сухостойному дереву, чтобы свалить его, обрубить сучья, хлыст дерева закатить на дровни с подсанками, увязать удавкой растяжным узлом и привезти к бараку, помочь тете Марии распилить лесину, наколоть дровец, подбросить часть их к пекарне...

Потом начать сбор слежавшейся вчерашней пихтовой лапки. Снег глубокий, и к каждой кучке надо торить дорогу, но прежде необходимо проверить путь, нет ли по нему скрытой снегом острой пики тычка от в прошлом срубленной пихточки. По глубокому снегу конь движется скоком и может махом угодить на тычок, пропоров себе брюхо. Наложив воз, еду к заводу, где лапку складываю около огромного пропарочного чана и снова повторяю ездки. В мороз надо лошадке освободить заиндедевевшие ноздри от намерзших при дыхании ледяшек, следить за щетками ее ног, вовремя очищать копыта. Перед тем, как отвести в стойло вечером, протереть ее пуком объедьев. Сперва Рыжуха меня дичилась и даже пыталась куснуть или лягнуть при случае, но, чувствуя заботу, присмирела. Мне на пихтовом повезло еще в одном. К нам подселился охотник за белками со своей собакой, которую кормил бельчими тушками... Белок добывалось больше, чем могла съесть собака, и я попросил отдавать мясной излишек мне. Вареным он оказался вкусным, чуть отдавал орехом. На таком рационе стал даже добреть. Правда, колхозники такой сне-

дью брезгали, считая беличье мясо поганим, а меня называли крысоедом. Но, что голод не тетка, известно давно. В моем же случае я мог счастливо наслаждаться трэфным деликатесом без соперничества. К сожалению, к концу моего пребывания на пихтовом охотник пропал в тайге, его собака несколько раз прибежала к нам, а после ушла в Каргасок. Розыски его прошли без успеха, и только летом тело нашли случайно. Предположительно смерть наступила от разрыва сердца. В моей работе на пихтовом произошла еще одна перемена. Соловьев, страдая грыжей, разболелся так, что работа гонщика стала ему не под силу. Рузаев предложил мне занять его место.

— Работа, конечно, нелегкая, но ведь будешь получать целый килограмм хлеба или же соответственно мукою! — соблазнял он меня, — кроме того после смены отдыхай себе сутки, и никто тебя еще другое делать не заставит!

Словом, уговорил он меня, и я взялся за работу, тяжести которой не чаял... Суть производства пихтового масла состоит в пропаривании пихтовой хвои в закрытой емкости с последующим охлаждением выделившихся при этом паров летучих масел хвойного экстракта и воды в холодильнике, после чего из конденсата пихтовое масло от воды отделяется в маслоотделителе на основе разницы их удельного веса. Наша кустарная установка для этого состояла из старого склепанного котла в 700 литров, поставленного на кирпичную топку с кирпичной невысокой трубой, при морозе обеспечивающей хорошую тягу, огромного

деревянного пропарочного чана для пихтовой лапки и двух холодильников: одного змеевикового в большой бочке и другого, конечного, в длинном деревянном корыте. Вся система, соединенная последовательно трубами, во время действия выделяла из своего открытого конца корыточного холодильника струйку жидкости, текущую в банку маслоотделителя, у которого, в свою очередь, были две трубочки: пониже, для стекания воды и другой, повыше для стока пихтового масла. Сперва масло лилось струйкой, но под конец гонки только капало в сборную кружку.

Настало утро, когда под началом Соловьева я заступил на смену после Рузаева, который, выбросив отработанную лапку, голым, только в трусах, выбрался из пропарочной кади, накинул на себя тот самый тулуп, которым Соловьев, а потом я накрывались на переднем возу, и побежал в барак. Мне теперь надо было выпаренные побуревшие пихтовые ветки отбросить подальше от края чана и начать загружать его слой за слоем свежей пахучей лапкой, каждый слой плотно утаптывая, чтобы ее уместилось, по возможности, больше. Окончив, я накрыл чан тяжелой деревянной крышкой, тяжесть которой несколько уравновешивалась противовесом журавля, затем тщательно замазал глиной все имевшиеся щели. Теперь осталось залить до нужного уровня водой котел, сменить воду в холодильниках, черпая ведром из речки, потом разжечь топку. Гонка начиналась кипением воды в котле и продолжалась без перерыва 22 часа. Так выгонялось наибольшее количество пихтового масла.

Не дай Бог, если огонь в топке угасал хоть на короткое время: из-за этого резко уменьшался выход экстракта. Еще в продолжении смены нужно, не переставая, подливать в холодильники холодную воду. Воистину, — работы не до дремоты!

К утру, когда масло перестало выделяться, я порядочно устал. Но еще предстояло отодвинуть крышку чана и опростать его! Как только снялась крышка, все окуталось непроницаемым облаком пара, в котором ничего не разглядеть! Подоспевший Соловьев дал мне похожие на сандалии деревянные обутки, принес тулуп, вилы и велел раздетым приступить к последнему завершающему смену делу. В чане я почувствовал себя, как в парилке. Ноги в неудобных обутках скользили. Вслепую зацепил первый навильник лапки, с большими усилиями выдернул и выбросил его за край. Второй выбросить наружу было не легче, так как ветки спеклись в одно целое. Подцеплялось только выборочно и мелко, сердце заходило от жары, пар и пот слепили глаза. Чем глубже я, в муках выгружая, опускался, тем нестерпимее мне становилось! Терялась уверенность — вообще смогу ли я выгрузить чертову лапку. Я клялся, что если все одолею, тут же откажусь от такой работы, послав к лешему все прельщающие соблазны. Наконец, выбросив последний навильник, я был в совершенном изнеможении. Выбравшись голым из кади, мороза даже не почувствовал. Ждавший Рузаев накинул на меня тулуп, помог влезть в пимы, хлопнул дружески по спине, крикнув:

— Поздравляю! С крещением! Дуй до хаты, отдыхай!

...Рухнув на нары, не сбрасывая тулуп, в нем и до-спал до обеда, встав с ноющими костями, разбитым телом и чувством голода...

— Ну и влип с такой убийственной работой, которую не выдюжить! — стрельнула мысль.

Но, одевшись и получив полагающийся пай (килограмм, целый кирпич!) свежего, утром тетей Машей испеченного хлеба, стал глядеть веселей.

Сибирь научила понимать истинный чудесный вкус черного хлеба. Ни одна из нынешних сдоб, печений или тортов не может для меня с тем прошлым сравниться! Свой кирпич я почти весь уписал в один присест всухую. Трапеза совсем при-мирила с предстоящим завтра. Килограмм хлеба являл обеспеченность. Ныне мы забыли значение хлеба как инструмента власти, заставлявшего ра-ботать не за деньги, потерявшие цену, а за граммы хлебushка... Я не знаю, как устроены люди там, где питаются рисом, кукурузой или бананами, но мне хоть маленький ломтик хлеба к пище совершенно необходим. В дни, когда приходилось жить одной картошкой, начинала изводить изжога, а голод появлялся почти сразу после очередной еды. Хлеб был необходимостью, хлеб был вождеденным, хлеб был под жесточайшим контролем государства. Сжатое жито в колхозе только обмолачивалось и, если кто-то, кто замечался в краже пусть горсти зерна, то лагерь ему был обеспечен. Каргасокское

районное зерно все отсылалось в область и только там мололось, чтобы оттуда по разнарядкам снова, уже учтенной мукой, быть пересланным обратно в район распределения. Хлеб был кнут и пряник власти.

Не буду описывать свою вторую смену гонщиком. Постепенно с приобретением навыка и хватки работа стала терпимей. Перед разгрузкой кади стал примечать, откуда дует ветер, чтобы против него временами высовываться из облака пара для освежающего вдоха, понял, что лапку подцеплять вилами надо начинать у стен чана, что выгодней вместо воды в холодильники таскать наколотый лед, что все надо делать не спеша, но скоро. Временами с Рузаевым попеременно себе устраивали купания. Когда вода большой бочки змеевика теплела, свободный от смены раздевался и в ушанке погружался в нее, где сидел по горло в нагревающейся воде, пока терпелось. Потом красным раком выбирался, надевал исподнее и, накинув тулуп, припускал в барак. Удивляло, что никто из остальных членов нашей бригады не следовал нашему примеру, хотя такая водяная баня доставляла большое удовольствие и, как я после узнал, почитаема японцами давно. Жизнь моя устроилась. Днем у окна я мог основательно чинить свою одежду, порядком истрепавшуюся в тайге, где «каждый сучок просит ключок».

Среди ватаги царил лад. Правда, в развлечение иной раз парни набросятся на девиц с криком: «Девочк мять!», и те их с удовольствием, в веселой

свалке отбиваясь, лупили по чему попало, пока окрик мужиковатой тети Маши не прекращал возню, и молодежь, успокоясь, продолжала свои каждодневные дела.

С очередным поселочным обозом пришла большая перемена нашему бытию. Ново-Югинская семилетняя школа, обеспокоясь отсутствием учеников артели имени Менжинского, обратилась в район и добилась приказа: Ново-Югинскому коменданту вернуть всех учащихся с пихтового завода к продолжению школьных занятий. Взамен обозом прибыли ссыльные из Молдавии, которые, нигде не работая, прозябали, нищенствуя по окрестным деревням. Уехавшего Рузаева теперь сменил сырый румын, бывший военный моряк Констанцы. Новенькие расположились в противоположном от меня конце нар, у входной двери. Жизнь продолжалась для меня прежним порядком, пока я не стал чувствовать укусы и обнаружил в белье первую платяную вошь. Дальше эта нечисть размножилась и превратилась в настоящую казнь египетскую. Приходилось днем находить мартовское сугревное место в лесу, и раздевшись догола, давить напоздших за ночь хвостатых врагов. Но через время исподнее покрылось в поясе бисеринками уже собственных народившихся гнид, а тело в том месте охватил зудящий обруч расчесов. И раньше по части гигиены бригада жила неустроенно, но теперь барак, переселенный прибывшим людом, вовсе чистоту не знавших, стал отвратительным. Ночью, при выходе, свежий воздух вызывал головокружение, а по возвра-

щении тяжелый кисло-сладкий смрад барака отшибал дыхание. Вот действительно точно сказано: «Хоть топор вешай!» при «громе тресковений» желудков! Пихтовый завод обернулся каторгой.

В день, когда меня к вечеру прибывшим обозом, наконец, вызвали обратно в Староюгино, я на ночь глядя бросился в обратный путь. Не останавливаясь и не заходя к дегтегонам, шагал напроход через тайгу, освещенную яркой луной, сопровождаемый жутковатым уханьем приставшего сыча... Порой в черных тенях мерещились затаенные опасности, заставляя еще прибавлять шаг. В таком напряжении пролетела ночь. Телом я почувствовал усталость только, когда, совершив путь в 90 немерянных километров, вышел к Васюгану, на противоположном берегу которого увидел свой чужбинный приют... Я снова дома!

РДК

Маленькая башенка над очертаниями прибрежных зданий как-то сразу врезалась в мою память, когда, подходя к берегу на обском пароходе, везшем ссыльных рижан, я рассматривал незнакомый Каргасок...

А дальше было унижительное распределение растерянных «чудных новеньких» по точкам, их посадка на баржу... Дальше — первоначальное существование белой вороной в деревне Старо-Югино...

Осенью вместе со счетоводом Лапковым первый раз шагал по таежному тракту в районный центр, имея общее задание — вдвоем пригнать из Каргаска артелью купленную лодку. Слово «тракт» не употреблялось в смысле «дорога» в Латвии, и потому мой наивный вопрос, — часто ли тут проезжают тракторы, — Лапков сразу не понял...

В Каргасок мы пришли поздно, при сиянии нескольких электрических лампочек, вызвавших острый приступ тоски о насильно отнятой родной Риге. Не особенно уютно, когда, переночевав на столе конторы Райлесхимпромсоюза, я был свободен до следующего утра, когда с Лапковым, после улаженной им артельной отчетности, мы должны были в гребной лодке водным путем вернуться в Старо-Югино.

Отчужденно, как любопытствующий илот или пария, наутро пошел осматривать неизвестный Каргасок. Село всего две главные улицы, далеко не было городом, однако по-сравнению со Старо-Югино не равнялось людностью, пристанью, дымившим около нее

пароходом, своими проводами телефонных линий, несколькими торговыми точками. Зайдя в одну, самую большую, с голубой вывеской РАЙМАГ, на ее пустоватых полках увидел школьный учебник географии. Обрадовавшись, потратился, чтобы, наконец, разобраться, куда же нас советская власть заперла. Выходя из магазина, неожиданно встретил госпожу Весман, с которой вместе с ее сыном были соседями по верхней полке нашего вагона рижских административных переселенцев. Оказалось, что Янис, тоже лицеист, но старших классов, сумел перебраться в Каргасок, и теперь мадам Весман, сделав в магазине свою покупку, пригласила меня к ним.

Но сперва о покупке.

Случилось, что Райпотребсоюз завез новинкой в село большую партию зеленых кофейных бобов, с которыми потом не знали что делать: ни жареными, ни вареными их есть было невозможно — и остались они без спроса, став головной болью кооператоров. Теперь «странные» бобы продавались без всяких продовольственных карточек любому, к радости нового контингента, умевшего бобы поджаривать, толочь, превращая неликвид в душецелебный кофейный напиток...

Весманы ютились в одной из каморок барака, называемого «Соединенные Штаты» или «Шанхаем». Последнее прозвище закрепилось за ним, помятуя о его основателях — китайцах, построивших сперва одну хибару на берегу реки из хламника, что Обь к ним наносила, потом продолжавших пристраивать следующие жилища, экономя при этом одну стенку.

Китайцы куда-то исчезли, и теперь несуразное строение, издали напоминавшее сороконожку, новые ее обитатели звали «Соединенными Штатами», потому что жили тут ныне разноземцы: остяки, поляки, молдаване, цыгане, эстонцы, немцы, украинцы, латыши и прочие бедняги.

В каморке Весманов имелось роскошество, оставшееся им от прежнего жилья: точка местного радиовещания — черная картонная тарелка громкоговорителя «Рекорд» завода имени Козицкого. Такое даже для коренного жителя считалось трудно доступным! Для меня, прожившего в поселке совершенно изолированно от мира, теперь Янис, вскоре пришедший с работы, стал сущим кладезем новостей, почерпнутых им из ленинской «газеты без бумаги и расстояний»!

Время близилось к трем, призывая откланяться, чтобы своим присутствием не стеснять обед Весманов, но они и слушать про мой уход не хотели: пришлось принять участие в трапезе с заключающим ее чудесным кофе. Разговоров было много: кто из знакомых где поселен, кто умер, кто уже побывал в Каргаске, что слышно о войне... Потом Янис повел меня ознакомиться с достопримечательностями села: собственно только одной — Каргасокским Домом Культуры. Он и был тем зданием, башенка которого привлекала мое внимание на пароходе. Конечно, в Риге много деревянных зданий, но все они или обшиты досками или оштукатурены, но такое большое, как эта постройка РДК (Районный Дом Культуры) из голого бревна, была мне еще невидалью. По рас-

сказу Яниса, Каргасокский РДК являлся самым большим среди подобных в Новосибирской области. Построен таким он благодаря идее сосланной ленинградской профессуры, объединившей спущенные сметы зданий пожарной каланчи со сметой Дома Культуры. Проект осуществился возведением просторного РДК, в котором было место пожарникам, а каланчей служила башенка над крышей клуба.

Янис обладал прирожденным даром общения. В РДК он, хорошо владея русским языком, завел знакомых, называвших его почтительно Иваном Ивановичем из-за его умения казаться знатоком всего, любой разговор, превращая в интересный, перча его шуткой, улыбаясь в отращенные для солидности во всю щеку пышные рыжие усы.

Поднявшись в читальный зал, я был удивлен художником клуба Кармановым, переносившим изображение с открытки свободной рукой, без всякой координатной сетки, на большое полотно подрамника. Беседуя, он как бы между делом обводил мягким графитом нам скрытый, но ему одному на полотне видимый точно увеличенный рисунок оригинала!

Следующее лето выпало удачным. Прежнего грубоватого председателя артели Коровина сместили и на его место назначили Шестакова. Потом перевели в другой поселок недалеко избача Трунтова, прислав из Каргаска заведующим клубом молодого военнораненого гвардейца, ленинградца. Он действительно начал заботиться о культурном быте поселка. С помощью Шестакова и учительницы Шамраевой, помещение клуба побелили, вычистили, поставили пьесу Островского, основали точку обмена книг передвижной районной библиотеки. Новый заведующий клубом, лишившись в бою ноги, передвигался на костылях, но для просветительских надобностей ему было нужно часто посещать район: по симпатии в такие дни он у Шестакова выторговал меня своим «гондольером». В поездках Александр устраивался в обласок лежа, я садился на корму, и начиналось приятное для него путешествие с гребцом и понимающим слушателем в моей персоне.

В Каргаске он брал меня на полное попечение. В селе Александр всегда окружал себя фронтовыми собратьями схожей судьбы, тогда одетых в ар-

мейские гимнастерки с пришитыми ленточками (желтой — легкое ранение; красной — тяжелое) на груди, во множестве прибывших тем летом в райцентре, и под их прикрытие я тоже вместе с Александром проникал в столовую, питаюсь мне не положенной жидкой ржаной похлебкой. Ночевали мы у его друга, заведшего себе зазнобушку-солдатку с приличным домиком такого изыска, как крашеный пол, кормившую нас сытными ужинами. Одним вечером фронтовая братва провела меня в РДК, где Белорусский театр оперетты ставил «Запорожца за Дунаем».

Нарушая снова последовательность, делаю вставку, дабы поведать, что до белорусов весь Каргасок в прошедшую зиму был покорен авторитетом руководителя эвакуированного Ленинградского театра — Меркурьева. Все работало на него: спешно возводилась боковая пристройка к клубу, чтобы быстро двигать в нее декорации при их сменах. При нем клуб зимой так хорошо отапливался, как никогда до и после, а службу театра вышколили в струнку, как в гвардии. Конечно, Янис с Меркурьевым познакомились, что в будущем содействовало переезду Ивана Ивановича в Томск, где он потом устроился администратором городского театра. По открытии навигации Меркурьев со своими артистами, к облегчению районного начальства, уехал, оставив в наследство недоконченную пристройку (потом разобранную на дрова) и всю арматуру электрического освещения сцены РДК.

...Итак, вот такими «фронтовыми» стечениями я после Риги первый раз в Сибири очутился в театральном зале, ожидая оперетту... Медленно гаснет свет, оркестр играет увертюру, раздвигается пурпурный занавес, и через короткое время я увлечен сценическим действием, забыв, что нахожусь в Каргаске!

Когда нам с матерью посчастливилось перебраться в Каргасок, то вначале мы стали жителями упомянутых «Соединенных Штатов», чуть не смытых рекой в тот год страшной бурей на Оби со всеми населенными. Но зато, между прочим, главное жилище было совсем близко от РДК! А РДК имел целых три библиотеки. Такой подарок судьбы истосковавшемуся по книгам! Естественно, сразу записался в ту, что для взрослых, став, наверное, самым прилежным ее читателем.

До сих пор меня удивляет то множество русских и иностранных писателей-классиков, чьи произведения допускались цензурой компартии к чтению. Они ведь давали правильные, совсем не одобряемые большевиками ответы на вопросы критически думающего человека о происходящем! (Золя, А.Франс, Л.Толстой, Щедрин...) Известно: прошлое объясняет настоящее! В том, видимо, состояло одно из отличий коммунистов от гитлеровских национал-социалистов, отравленных расизмом, что последние бездумно у себя в Германии в библиотеках большинство даже немецких классиков изъяли.

Однако сие опять уход в политические рассуждения!

Заметив мое обязательное исполнение библиотечных правил, мне разрешили самому себе выбирать книги в запаснике. Это было большим доверием, за которое благодарен еще и теперь, давшее мне возможность самообразования, подыскивая нужное среди ненужного книжного множества. Затем записался в детскую библиотеку и был поражен той прекрасной детской и юношеской литературой, которая создавалась уже при советской власти (Маршак, Чуковский, Кассиль, Гумилевский...).

Однажды заведующая библиотекой, зная меня работающим в моторно-рыболовецкой станции, обратилась с просьбой от имени коллектива РДК (именно такими словами!) раздобыть к очередному киносеансу ведро горючего для электростанции кинофикации РДК. Я, конечно, ведро нефти принес, но этим дело не кончилось. Эта электростанция была самым слабым звеном в системе РДК, так как не имела в годы войны никакого технического обеспечения и существовала одним лишь попрошайничеством.

Так наглядно обнажались контрасты, характерные для Каргаска того времени: внушительное здание РДК, а перед ним непроходимое болото; отдельный дом с трехкомнатной квартирой, обставленной хорошей мебелью первого секретаря райкома, и клетушки общежития для райисполкомовских работников рядом...

Так же электростанция при РДК: тесная избушка, куда втиснули старенький движок, допотопную динамо-машину фирмы «Сименс и Галске», больше

музейный экспонат, чем объект эксплуатации, древний генератор переменного тока и страшно дымившую при растопке плиту. Плита была обязательна: в ней разогревали запальник для запуска двигателя... Но питала станция вполне современную тогда звуковую киноустановку ТОМП и давала ток современными рампами и софитами, оставленными клубу Меркурьевым. Станция постоянно требовала то смазочного масла, то ведро горючего при ее скудном лимите на нефтебазе и непрекращающемся ремонте. Постепенно я стал своеобразным меценатом-нищим для РДК: токарными работами, ведром горючего, банкой смазки, а иногда замещением механика Афанасия Лаврентьевича Гаврилюка, способствуя так деятельности Каргасокского Дома Культуры, потому что летом, кроме кино, только станция освещала танцевальный зал и давала ток для освещения сцены во время концертов наезжающих гастролеров. Конечно, я имел свободный вход на любой киносеанс, спектакль или вечер танцев в клубе.

Бывший РДК в целостности не сохранился: снесены зрительный зал на 300 мест, сцена, за которой располагались артистическая гардеробная, гримировочная и квартира сторожа. Зал был обшит понизу панельным поясом, а выше него вагонкой в елочку, обогревался четырьмя печами: две — у стен перед сценой, две — в задних углах при входе. Зрители сидели на скамьях со спинками, партийный бомонд за барьером, долженствующим изображать ложу. При отделке помещения

панели окрасили в темно-коричневый цвет, а вагонку и скамьи в какой-то тускло зеленый, лишив этим зал прекрасной фактуры натурального дерева, к чему дизайн стремится сегодня.

Клуб — это люди, его посещающие, и обслуживающий персонал. К сожалению, большинство их имен памятью утеряны, в том числе и милых библиотечарш, но некоторые сохранились.

Начну не в хронологической последовательности, а по значению. Самым ревностным и плодотворным деятелем был художественный руководитель Дмитрий Погорелов — демобилизованный военный. Используя то свой авторитет фронтовика, то свою обаятельность, он выбивал средства для постановок, собирал вокруг себя постоянный состав любителей сцены, интересно вел занятия. Успех спектаклей обеспечивался его режиссерским призванием. Вершиной всего стал им созданный настоящий любительский театр с собственным оркестром!

К тому времени в клубе начал трудиться художник Алексей Калныш, создававший почти из ничего замечательные декорации для Театра Погорелова. Калныш изменил угрюмый интерьер зрительного зала, окрасив его в теплые кремовые тона и покрыв потолок плафоном, расписанным узорами латышского орнамента. Очень жаль, что эта превосходная работа не сохранилась.

С момента постройки РДК клуб стал единственным местом показа кинофильмов, выпускаемых тогда на очень легко воспламеняющейся пленке.

Поэтому для киноаппаратной в деревянном здании клуба был встроен кирпичный бокс. В войну главным киномехаником работала Валя Иванова, маленького роста, но обладавшая очень острым язычком, большой командир, но при том отличный товарищ! В аппаратной стояли два звуковых дуговых кинопроектора: первый обслуживался помощницей Валентины, второй — ею самой. Бокс имел при каждом проекторе два отверстия в стене зала: одно — для светового луча, другое — для наблюдения экрана. Находившуюся внутри бокса перемоточную, где должны храниться части демонстрируемой картины (обычно бабин было около десяти), в свою очередь, отделяла кирпичная перегородка от аппаратной (Вот какие предосторожности из-за очень горючих фильмов!). Показ происходил следующим образом: оба проектора заряжались каждый своей бобиной, из которых концы пленки проводились по зубчатым колесикам механизма передвижения, потом захлопывались пожарогасящие и фильмовые каналы, проверялось, закрыта ли заслонка дугового фонаря (если фильм не был в движении, то он немедленно загорался от жара светового луча!), потом сближались угли ламп и между ними шипя, возникала ослепительная электрическая дуга, которую во время горения приходилось регулировать, следя за ней через затемненное окошко кожуха фонаря. Валя, пристав, по малости роста, на специально для нее сделанную подставку, принакала ухом к отверстию зала, ударяла по электронной

лампе звукоусилителя, чтобы уловить в зале мелодичный звон, свидетельствующий об исправности электроники. И вот — все готово — можно начинать! Гасится свет в зале: «Раз, два, три — начали!», — командовала Валентина. Помощница раскручивала ручку привода своего ТОМПа, включала синхронный электродвигатель, открывала заслонку фонаря, и сеанс начинался. Когда бобины первой части заканчивались, Валентина внимательно следила за экраном: как только на нем появлялись предупреждающие метки, Валя раскручивала свой ТОМП и снова командовала: «Начала». При этом сначала она открывала заслонку фонаря, а помощница свою закрывала. Зритель такие манипуляции, конечно, не замечал.... Но не всегда все проходило гладко: нередко старые пленки, не раз побывавшие в кино-театрах области, рвались. Склейка обрывов требовала времени. В зале поднимался шум и топот, иногда стучали в стенку бокса даже туфлей! Совсем плохо, если вдруг аппаратура отказывала и сеанс переносился на другой раз. На когда? Это было неизвестно, и тут вступает в рассказ новая персона:

Афанасий Лаврентьевич Гаврилюк.

Это был человек ссыльных судеб. Отец его видный уездный врач в царское время, имевший в своем распоряжении казенный автомобиль, сумевший во время начавшейся Первой мировой войны послать своего сына в Харьковский университет... Потом они оказались по разные стороны границы... Афанасий Лаврентьевич, почти окончив

университет, решился на переход советско-молдавской границы, но при этом был схвачен. Тогда еще за такое не расстреливали, а ссылали: так Афанасий Лаврентьевич оказался в Каргасоке. Тут он служил на почте: устанавливал первую радиостанцию района, монтировал радиоузел, телефонную централь, однако в чистку СССР тридцать девятого года от политически неблагонадежных служащих из почты был изгнан. То было время ушибленных страхом и подозрительностью... Только через трудные хлопоты ему разрешили быть мотористом электростанции кинофикации при РДК. То, что она действовала, что киноаппаратура чинилась, что работали кинопередвижки района всю войну и в тяжелое время после войны, благодарить следовало только его. При том Афанасию Лаврентьевичу ежегодно приходилось бороться со стихией: в весеннюю таль, избушка станции тонула в разбежавшихся водах окружающих снегов, и только он спасал от порчи ее электрическое хозяйство. Тогда почти полмесяца ни кино, ни танцев в Каргаске не было, и все зависело от того, как Лаврентьевич с нанесенным водой ущербом справится! Его значение, его постоянные заслуги на технической ниве РДК (а значит, и культурной!) так никогда никем не были осознаны и отмечены.

О киносекансах оповещала доска синего цвета, выставляемая при входе в РДК:

*«...Такого числа, звукхудфильм... такой-то...
Начало в 8 часов».*

Потом с появлением цветной киноплёнки демонстрировали цветхуудзвукфильм. Иногда сеанс для кинофикаторов значил нервное напряжение: в дни табельных праздников, когда неизменно шла картина «Ленин в Октябре», показ ее должен был проходить без сучка и задоринки.

Настоящий стресс пришлось пережить при демонстрации картины «Падение Берлина». Сколько помню, она проходила летом, во всяком случае, районная электростанция, где к тому времени я был электриком, стояла на ремонте. Ремонт прервали, чтобы на время показа сталинской эпопеи празднично освещать весь клуб. Всех нас, участников чрезвычайного события, собрали в НКГБ, соседствующим с РДК, и после строгого внушения велели подписать обязательство, по которому мы становились ответственными за любую осечку в ходе намечаемого мероприятия. Правда, прислана была совершенно новая копия фильма, однако, сидя в зале, тяготеющая угроза мешала мне спокойно смотреть первую послевоенную советскую цветную картину, объясняющую первоначальные военные отступления Красной Армии тем, что они были запланированы стратегией. Это доказывалось вставленными в сюжет картами военных действий, на которых множество стрел поясняло, как артиллерия от одной оставляемой позиции перемещалась на другую, заранее укрепленную пушками резерва, усиливая ее своей огневой мощью. Этим через несколько следовавших плановых отступлений создавался огневой бастион, вобравший как новые орудия, доставленные военной

промышленностью, так и огромное количество орудий отступавших к нему советских частей, ставших неподолгими для вермахта. Скажу: тогда мне, не видевшему войны, такое объяснение казалось достоверным, а фронтовики о былом уже предпочитали помалкивать.

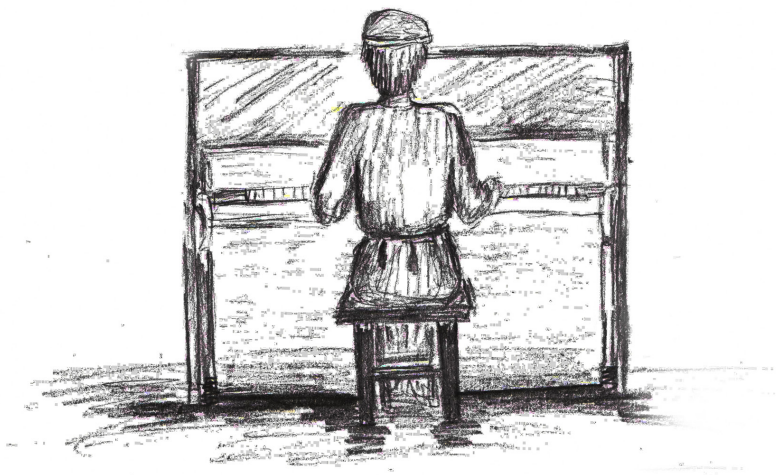
В дни, когда картины не показывали, на стене клуба висело другое объявление, тоже на синем фоне, очень лаконичное: «ТАНЦЫ, начало 8 часов. Вход 5 рублей».

На них главным действующим лицом становился Карл Риекстинш. Карлу посчастливилось, что в ссылку его повезли вместе с его аккордеоном. Вероятно, футляр инструмента показался проводившим арест чекистам обыкновенным чемоданом, и потому Риекстинш прибыл в Подъельник с великолепным «Хонером». Этот же «Хонер» вскоре помог ему перебраться в Каргасок и устроиться в РДК баянистом. Кроме того, Карл был музыкантом на пирушках местного начальства нарасхват и «могила» после них. Эта молчаливость ценилась... На танцах Карл флегматично играл по слуху. Его крупная фигура излучала невозмутимость даже тогда, когда он сбивался с такта. Ему это прощалось, и в зале лишь на мгновение слышался перетоп танцующих, снова ловящих ритм. Ровно в 12:00 он игру кончал аккордом, и никакие уговоры не могли его заставить остаться в зале после того хоть еще минуту.

Однажды жена мне рассказала о новом эстонце, явившемся в Каргасок из периферии: она его знала

еще мальчиком, хорошо игравшим на рояле. Теперь он возил воду в артели им. XVIII партсъезда.

«На ловца и зверь бежит!» — сказал я себе, увидев незнакомую эстонскую личность едущую мимо РДК, сидящую на вихляющей колесами двуколке с бочкой. Остановив, после короткого знакомства потащил Гунара на второй этаж к расхлестанному пианино читального зала: он сел, пробежал длинными пальцами всю клавиатуру, мгновенно запомнил все немые и вконец фальшивившие клавиши, потом сразу, избегая порченных, исполнил обеими руками одну из тогда популярных мелодий. Сомнений не стало: в Каргаске появился новый талант! Он играл еще и еще: открылась дверь, удивленно заглянула библиотечка, потом за ней другие читатели, привлеченные звуками необычной музыки...

Мы договорились починить пианино. Несколько дней вместе клеили приводы молоточков, потом я выковал ключ, которым Гунар настроил инструмент... Кончилось тем, что Петраудзе был принят сторожем РДК и поселен в комнатухе за сценой, а пианино общими усилиями всех работников клуба со второго этажа переволокли на сцену. С тех пор хорошая музыка в клубе звучала часто: после демонстрации очередного музыкального фильма Петраудзе садился за пианино и, как по нотам, сразу повторял все мелодии «последнего экрана». Сам собой получилось, что теперь на танцах Карл без флегмы с Гунаром увлеченно музицировал дуэтом. Успех имели большой! Кассовые сборы повысились.

Самой заметной персоной, посещавшей танцы, была молоденькая прокурорша, возле которой собирался круг поклонников, регулярно ходили общительные сестры Кузнецовы, дочери третьего секретаря райкома; врачи амбулатории, местная модница и львица Аристова. Но почти никогда танцзал не был переполнен: не хватало кавалеров, а танцевать шерочка с машерочкой — какое удовольствие? Ох, много мужчин покосила война! Негласный приказ Сталина: вводить снова в обычай польки, мазурки и гопак да па д'эспани взамен «западных» танцев, печально отозвался на доходах клуба.

Но при театральных постановках зал всегда был полон! И не удивительно: спектакли, поставленные Погореловым, имели хороший художественный уровень, участники самодеятельности готовились

серьезно. Помню, как тщательно работал Валентин Григорьевич Рудский над образом коварного иезуита в драме «Овод».

Когда в день нашего отъезда весь багаж уже был на пароходе, а билеты кают в кармане, но до отплытия еще оставалось несколько часов, я с семьей в последний раз пошел в РДК смотреть картину шансонье Ива Монтана. Вместо ТОМПов тогда уже работала новая аппаратура, превосходящая старую оптикой и звучанием, обновленный зал стал уютным, и только одно напоминало о прошлом: это был давний странный зритель, не пропускавший ни единого сеанса, но всегда сразу засыпавший после нескольких минут во время кинопоказа. И в этот день, как всегда, он мирно дремал до самого конца картины.

А потом? Потом я стоял на палубе отходящего парохода, смотрел на башенку Каргасокского РДК, пока она исчезала, чтобы остаться лишь в моей памяти...

Привычки

*Был бы скучен этот свет
Очень скучен, однозвучен,
Был бы скучен этот свет,
Очень скучен без улыбки.*

Бернс.

Существует мнение, что мелодику народной музыки определяет ее язык ударением на слове, распространением в нем гласных, длиной самого слова... Значит и «обычность» у языков разная? Да проститься мне взятый примером Китай, песни которого так чужестранны нашему слуху, что часто нам даже музыкой без свычки не кажутся. Как китайцу слышится наша музыка, не знаю — нет у меня среди них знакомства и спросить о том не у кого: только есть у меня свой опыт и наблюдение, приобретенные по бесплатному проездному билету в купе «телячьего» вагона Сталина из Европ в Сибирь таежную.

Попал я по нему в поселок Старое Югино, Каргасокского района, тогдашней Новосибирской области, в место, которого вам на обычной административной карте не сыскать. Тому нужна крупномасштабная, подробная. Проще будет на вашей карте найти город Томск и, следуя течению реки Обь на Север, найти прилепившийся к ее левому берегу кружочек села Каргасок, а от него тогда, по другой реке, по Васюгану, всего около 20-ти километров до той деревни, до Старо-Югино, будет. Контраст между Ригой и Старым Югино, согласитесь, для меня был большим!

Чтобы себе те Югинские первородные обстоятельства представить, вам придется прибегнуть к своему воображению, причем, чем ярче оно будет, тем ближе вы окажетесь к истине. Первое там впечатляющее — это маленький, как-нибудь обжитый пятачок земли на берегу реки и обступившая его вокруг тайга... Дерево везде! Оно в деревянных срубах изб; оно в обиходных деревянных ведрах; дерево в деревянных осях деревянных же телег; дерево в деревянном помойном ушате, заменявшем в избе канализацию.

Словом, куда не кинь взгляд — везде одно дерево! Настоящий деревянный век! Только бытующие тут спецы каменной выносливости... Иначе бы им тут было не выжить! Тишь в этих местах тоже захолустная: редко когда какой катеришка к поселку пристанет; и почту мимо другим берегом возят. Хотя в соседней деревушке еще хуже, — не зря ее «Недоступное» назвали! Туда только протокой доберешься. Живут там, как крышкой накрыты...

Зимой же Недоступное, равно как Старое Югино, почти напрочь от мира отрезаны, даже районное мелкое начальство редко когда в них появится.

Однажды, по какому-то случаю, такое начальство в Старо-Юино все же зимой занесло, и сподобилось ему всех жителей в местный клуб темным вечером затребовать. Как обыкновенно, на сцене клуба поставили стол, застлали красным ситцем, на стол, заметьте, водрузили горящую керосиновую лампу конторы, за стол президиумом усадили артельный актив, как это приличествует на подобных собраниях. О чем там

районный уполномоченный вещал — уже не помню, вероятно, о слабых темпах выполнения плана... Да и не к моему рассказу это, главное для нас будет после собрания в лампе оставшийся керосин! Обычаем установилось, что этот остаток теперь принадлежал тем, кому еще охота после глаголения начальства развлечься.

Потому, без долгого, зазвучала балалайка, — зачался пляс, насколько он возможен в пимах, когда каблуком не притопнуть, а лишь ладонью по полу лихо хлопнуть. Однако без песен, только под повторяющийся ритм «Подгорной», сопровождаемый возгласами да присвистом. Мне, чужбиннику, всё это в притёмках возникшее веселье было удивлением и, при моей тогда подавленности ссылкой, не постижимым.

После мне пришлось, работая на пихтовом заводе, жить в большом общем бараке замечая, что молодые зимними вечерами каждый были в себе и вместе песен не заводили. А ведь при царе, во времена тяжкой барщины, крестьянство песни слагало и пело. Все же, как потом оказалось, советская власть спецовскую песенность напроць отшибить не смогла.

Весной, на зазеленевшей травкой единственной улице селения, собирались в стайки девицы и парни. Девицы запевали свои романтические песни, одной которой начальные слова были, сколько помню:

— Ах ты миленький мой, что случилось с тобой, ты меня совсем уж не любишь!

У парней же появлялась трехрядка и они, задевая певиц, пели дерзкие частушки, иногда не совсем благопристойного содержания, на что от девиц получали достойную отповедь — тоже частушками. Очень жалко, что этот фольклор никем не записан и погиб в океане времени.

Судьбу чаще всего определяет случай. Меня он перебросил в районный Каргасок. Среда этого села была ближе к привычной для меня городской. Каргасокский Районный Дом Культуры по своим размерам даже удивлял. Получилось так, что работая в моторно-рыболовецкой станции, а потом на сельской электростанции, у меня с РДК установились хорошие связи, и я в клубе стал своим человеком.

Но возвратимся к музыке. Начиная с 1939 года, советская музыка начала часто звучать в Риге. Больше всего это был Дунаевский, хотя в музыкальных кругах о нем, посмеиваясь, говорили:

— С миру по нотке — Дунаевскому орден!

Не знаю, насколько то было справедливо, все же автор знаменитого марша авиаторов «Все выше, выше и выше, стремим мы полет наших птиц», загремел в лагерь из-за похожести этой мелодии на какой-то марш гитлеровцев. После занятия Прибалтики

Красной Армией в Риге зазвучали любимые Сталиным мелодии «Сулико», «Марш Черномора» Глинки, «Смерть Азъ»...

А 14-го июня 1941 года мы уже сидели на рижской товарной станции Шкиротава в зарешеченном вагоне, и, напротив нас, на другом пути, стоял такой же эшелон «телячьих» вагонов... За его зарешеченными окнами виднелись другие такие же, высылаемые из Риги.

Интересно было узнать, нет ли среди них знакомых. В нашем вагоне, среди других, оказались воспитанник Французского Лицея старших классов Янис Весман и Моня Левин с молодой женой и родителями. По какому-то невообразимому наитию Моня захватил, при аресте, кроме действительно необходимого, еще попавшуюся под руку гитару.

Она оказалась кстати, когда нам захотелось узнать, кто в вагонах на той стороне находится. Но как, если охрана войск НКВД в синих фуражках с красным околышем перекликаться запрещала? Тогда, сообразительный Янис, сопровождаемый аккомпанементом Мони, на мотив народной песни «Кур ту теци гайлити манс», заменив ее текст интересующим нас запросом на латышском, громко пропел его в наше окно. Веселой песне ВОХР не препятствовал... Через некоторое время, из окна эшелона напротив, раздалась ответная песня, соответственно нас информируя. У Яниса оказался приятный тенор, а Моня владел гитарой недурно. В продолжение нашего длительного путешествия они временами устраивали в вагоне небольшие концерты популярных песен и те, у которых был слух, голос и же-

ление, им подпевали. Мир звуков необходимо нужен человеку, но если длительно слышать лишь стаккато колес на стыках рельс: ритм, приближающий к неведомому будущему? Тогда желается его смена...

Все же исполняемое Янисом и Моней было молодежным репертуаром, не совсем одобряемым всеми родителями, воспитанными на вальсах, польках или райнлендерах.

— Современная молодежь совершенно танцевать не умеет. Эти фокстроты: одно шарканье по полу! Абсолютное отсутствие элегантности!

Но, вопреки схожим родительским воззрениям, мода брала верх, и родителям приходилось, хочешь не хочешь, поступаться потому, что даже Вахрамеев, рижский элитарный учитель танцев, бывший гвардейский офицер, носивший золотой монокль матового стекла, скрывая им отсутствие глаза, потерянного в бою, теперь в своем салоне учил шагам фокстрота, танго и даже свингу!

Вахрамеев, считаемый воплощением вкуса и элегантности на паркете! Вахрамеев, в признанном салоне которого учили латышскую золотую молодежь ей так необходимому хорошему тону!

Как кому счастье улыбнется! Сей раз, оно улыбнулось нашему вагону, когда мы, после месячного сидения на нарах, наконец, прибыли в Новосибирск и ослабевшими ногами спускались по круче к набережной большой реки. Нас определили не на стоявшую там баржу, а в трюмное помещение белого пассажирского прохода «Тихонов».

В трюме (третий класс) все было чисто, выкрашено в светло серое, имелись скамьи, горело электричество, и нет тому сравнения с телячьим вагоном! Старый пароход, еще постройки царских времен, сиял медью, имел ресторан, в котором стоял его ровесник «Беккер» — пианино, чудом сохранившееся по инвентарному списку парохода вместе ресторанной посудой. Но на «Беккере» давно никто не играл — не было для того нужной штатной единицы на «Тихонове»! Зато на палубах имелся ряд черных репродукторных тарелок «Рекорд», свидетельствующих о прогрессе и искажающих музыкальные передачи Новосибирского Радио.

Ссылная молодежь на «Тихонове» преобразилась, благо, что никакого запрета на передвижение по пароходу не было. Барышни снова заглянули в зеркальца своих пудрениц, молодые люди пригладили волосы... и вот уже один из них подсел к «Беккеру», бравадно проиграв попури последних мелодий Бродвея.

Пароходная команда, дивясь, поглядывала на странных весёлых ссылных... Снова услышать рояль мне было суждено только через годы...

Случай после Старого Югино, определил мое дальнейшее проживание в районном центре, селе Каргасок, населением в 10 тысяч жителей, в котором рабочее время длилось восемь часов, выходным днем было воскресенье, и хлеб получали по месячным карточкам.

Роскошь, какая невообразима была в Старом Югине!

Прожив в том богоданном месте несколько лет, сведя знакомство, я стал прирабатывать, ремонтируя приборы, на удивление богатого физического

кабинета Каргасокской Средней Школы и, среди многого, обнаружил там адаптер-проигрыватель радиолы, позволявший озвучивать граммофонную пластинку электрическим усилителем.

Вряд ли Карлис Риекстинш предполагал ту услугу, которую ему окажет взятый в ссылку аккордеон! «Хонер» избавил его от «радостей» зимнего подледного лова, когда, услышав игру Карла, проезжее начальство сочло Риекстинша музыкантом, годным для своих пирушек, и перевела баянистом в РДК... Карл был достаточно умен, чтобы помалкивать о развлечениях власть предержащих, и скромно играл на вечерах танцев РДК. Карл играл без особого увлечения как на работе, иногда путая ритм... В те поры входной билет на танцы стоил 5 рублей.

Это породило во мне мысль устроить в РДК «настоящие» танцы, возможных потому, что в физкабинете еще нашелся подходящий для того набор пластинок танцевальной музыки! Так я надеялся поднять танцевальное мероприятие на новую ступень культурного уровня.

Без довольно сложной дипломатии не обошлось. Нет, Карл тому препоной не был, потерять свое рабочее место подопечный власть имущих не боялся... Но без использования звуковой киноаппаратуры было никак не обойтись — ведь она была ведомства отдела Райкинофикации. Там сомневались: не повредит ли задумка этой аппаратуре? Какой прок от всего будет иметь кинофикация? Спасибо Валентине Ивановой, киномеханику клуба, уговорившей свое

начальство на эксперимент. Но был еще райком, без которого директору РДК (человеку подначальному) не пикнуть! И тут тоже у меня появилась мощная подмога сестер Кузнецовых, дочерей третьего секретаря райкома. Словом, через всякие подвертасы, в одну субботу смотровой зал, по обыкновению, к вечеру был подготовлен к танцам: его скамьи размещены штабелями вдоль стен помещения. В назначенный час люд стал собираться, заплатив каждый свою пятитку за вход. Когда публики собралось достаточно, а барышни прихорошившись, сменили валенки на туфельки, Валя Иванова завела граммофон, опустила головку звукоснимателя на пластинку, и по залу поплыл бархатный звук танцевального блюза...

Но что это! Кавалеры продолжают сидеть, своих партнерш не приглашая! Вероятно, им надо подать пример, и я говорю своей жене:

— Ну вот, ты желала потанцевать под настоящую музыку — идем, откроем вечер! Да вдруг в ответ:

— Не буду я здесь белой вороной!

Берите-нате! Вот те фунт изюма! Иду к Вале. Неужели тоже застесняется? Нет, Валя боевая! Мы совершаем первый круг, затем следующий, и я спрашиваю:

— Ну как танцуется?

— Немного необычно, но ты ведешь хорошо: в общем — нравится!

Сделав еще несколько кругов, Валя возвращается на свой пост у граммофона. Никто так и не последовал за нами на «паркет»...

Решаем с Валею теперь поставить фокстрот. Он советский, Цфасмана, а не американский блюз. Уж теперь-то станут танцевать: фокстрот поднимет с мест!

Валя ставит пластинку и в зале звучит задорно:

Тебя просил я быть на свиданье,

Мечтал о встрече как всегда,

Ты улыбнулась, слегка смутившись,

Сказала: «Да, да, да, да!»

С утра побрился и галстук новый

С горошком синим я надел.

Купил три астры, в четыре ровно

Я прилетел.

— Я ходил! — И я ходила!

— Я вас ждал! — И я ждала!

— Я был зол! — И я сердилась!

— Я ушел! — И я ушла!

Мы были оба.

— Я у аптеки! — А я в кино искала вас!

— Так значит, завтра, на том же месте в тот же час!

Публика слушает, слова ей нравятся, но никто не танцует. Пытаясь спасти положение, приглашаю одну за другой сестер Кузнецовых. Им под эту музыку танцевать нравится очень! Но, в зале начинается недовольство: «Когда, наконец, начнутся танцы! Где Карл!?»

Пришлось спешно отправлять за Карлом гонца. А мне признать полный провал затеи. Потом спросил жену, чем сей конфуз объясним:

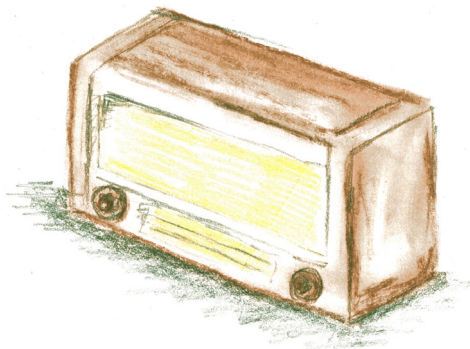
— Да тем же, как и для наших родителей, не признававших непривычных для них джазов! А тут еще непривычная радио-музыка!

Западная танцевальная музыка получала признание не только в Каргаске, но и по Союзу. В Кремле забеспокоились. Чтобы советский человек не обуржуазился, Сталин запретил фокстроты, танго и прочие модности вообще. Пусть народ танцует мазурки, краковяк, вальс или даже менуэт, но только не чарльстоны! По кассе Каргасокского РДК это ударило крепко...

И кто в Каргаске умет танцевать «минует»?

После смерти Сталина запрет на «западную» танцевальную музыку отпал сам собой. Каргасок в этом не отстал. К тому в продаже появился радиоприемник «Родина», которым можно было слушать заграницы и ее музыку без помех эфира или власти. Новые ритмы стали обычно-привычными, как и укороченные мужские брюки.

Потом уехали Карл, Гунар, я, и как дальше музыкальные пристрастия в Каргаске развивались, уже не знаю. В Каргаске, наверное, ныне живут более продвинутые, чем я. Только скажу: попсу в ее целом не приемлю. Не привычен!

Лучи «Икс»

Самое важное для человека — здоровье. В здоровом теле здоровый дух. А что в голодном теле? В голодном теле душа, которая там еле держится, и чтобы она не отлетела вовсе, советская власть в Какргасокском районе создала множество райского, включая Райздрав.

Взять хоть Старое Югино: небольшое селение, но даже эту точку Каргасокский райздрав не обошел вниманием, очень изобретательно основав медпункт при школе, в комнате ее единственной учительницы Шамраевой, где жила она со своим отцом, фельдшером.

Так Райздрав затраты по содержанию здоровья жителей поселка Старое Югино минимизировал до мизера зарплаты фельдшеру и той малости, что шло на единственные в то время тут доступные лекарства: универсальные йод и мазь ихтиоль от всех недугов. Этим и лечили, присовокупляя к ним добрые советы. Теоретически Шамраев имел еще право освобождать больных от работ, но не всамделишно, ибо тогда он сошелся бы рогами с председателем местной артели. Был ли страждущий работоспособен или нет, определял на глаз бригадир Василий, являясь к болящему на дом.

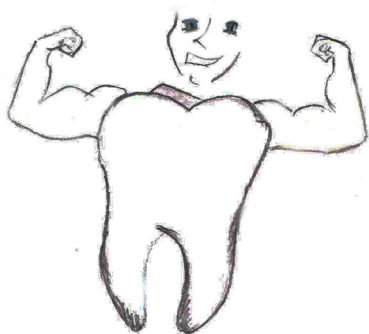
В самом районном центре, в селе Каргасок, Райздрав администрировал цивилизованней. Между Старым и Новым Каргаском тогда лежало болото, на краю которого, в конце улицы Красноармейской, стоял весьма солидный одноэтажный деревянный корпус больницы, протяженным фасадом к улице. По ней, прежде безымянную топь, окрестили Больничным болотом.

Рядом с больницей находился двухэтажный дом квартир докторского состава Каргаска, а через улицу, ему напротив, приземлилось громоздкое здание амбулатории. За самой же больницей, в отдалении, стояла маленькая жутковатая мертвецкая, напоминающая о бренности всего земного.

Попадать в нее не спешили, и потому посещаемость Каргасокской амбулатории была довольно высокой.

Посетитель, поднявшись по двум ступенькам, открыв дверь в амбулаторию, зрел длинный темноватый коридор, у одной стены которого стоял ряд скамеек, а в стене противоположной — двери кабинетов врачей. Первая от входа дверь вела в комнату дантиста, самой светлой, поскольку, дело понятное, работа зубного врача мелкая и требует хорошего освещения.

По скудости одежд, обуви и питания, многие жители Каргаска мучились дантозами всяких мастей, от чего, обычно, эти страдальцы трепетно жались на «зубной» скамье, ожидая приема «зубного доктора» Прашуткина, лечившего зубную боль простым удалением зуба, без всякой, там, анестезии.

Но еще Прашуткин, под сурдинку, занимался делом опасным.

Советское государство с самого своего возникновения боролось против буржуазной моды во всех ее проявлениях, не достигая особого успеха. Так было с отрицанием галстуков, женских серег и обручальных колец. Так было с шикарным миганием золотого зуба во рту ответственного работника сферы снабжения.

Прашуткин осуществлял такие стоматологические желания за деньги. Откуда он брал золото, находящееся на строжайшем учете пролетарского государства? Нет, золото он под покровом ночи на берегах Оби не мыл — оно было у ссыльных «нового контингента», проедавших свои бижу и нательные кресты. Щупленький и невзрачный на вид зубной врач, обладал предприимчивой смелостью, рискуя самой суровой из всех суровых статей советского закона.

Ох, велика сила сребролюбия!

В противопоставлении сему, любопытна краткая каргасокская деятельность его, внезапно в селе появившегося, конкурента. Случилось в это время одному из уголовников, отбывшему свой срок в лагерях, быть водворенному властями на исправительное поселение в Каргасок еще на несколько лет. В ГУЛАГе одаренные научаются всякому ремесленному умению, а наш варнак там обрел навык зубного техника.

Теперь уже точно всю историю пересказать затрудняюсь, но сутью ее было быстрое распространение среди жителей села зубов из латуни вместо

золотых. Начищенные мелом они блестели не хуже! Все же через время щеголи латунных зубов стали ощущать во рту горьковатый привкус, а позже и вовсе начали плевать зеленоватой пеной. Бросились к «специалисту», а его уж след простыл!

Только случай сей к «икс»-лучам никакого отношения не имел, а имело совсем другое событие.

Областью Каргасокскому Райздраву, взамен бывшего, был назначен новый заведующий. Ни с того, ни с сего! Понимаете ситуацию! Им оказался, известный в Ленинграде врач, эвакуированный в Томскую область.

В Каргаске он увидел дела по здравоохранению такими, какими они были наяву, а не по отчетам, и, по мере своих возможностей, начал их поправлять, опираясь на свои связи. Связи те, как сужу, были значительными, ибо не шутейное дело в военное время добиться присылки в Каргасок американской полевой армейской рентгеновской установки, из поступавших тогда в СССР по Ленд-лизу!

Представляете, как поднялся рейтинг доктора Трубицина среди местной власти! К тому, какая еще слава этим прибудет самому району супротив соседних, ничего рентгеновского не имевших!

В общем, проект взяли под контроль, меня вызвали в райком, приказав срочно составить заявку на нужные материалы для рентгена и электрического освещения больницы. Только с трудом мне удалось убедить начальство о невозможности такое задание выполнить, пока не станут известными потребляемая рентгеном мощность и рабочее напряжение.

Запрос молниировали в область несколько раз, но она отвечала зимним молчанием...

К сведению: о всяких лучах в те года в мире всякое таинственное говорили и не зря рентгеновские лучи, лучами «Икс» называли, связывая их с гениальным Николаем Тесла, якобы изобретшем лучи смерти.

Нет, в СССР Тесла не был особо известен. В достаточно обширных библиотеках РДК о Николае Тесла вы тогда не нашли бы ни одного печатного слова, что могу утверждать уверенно, имея свободный доступ к их книжным полкам: ведь я был частым и аккуратным читателем, единственным электриком села и нужным Районному Дому Культуры человеком.

Вам же важно знать, что на полках книгохранилищ РДК, рядом с читаемым, мирно дремало в забвении всякое здраво невообразимое: такое как присланное областным бибколлектором, крайне необходимое для каргасокцев ко времени смещения земной оси, руководства по уходу за виноградниками!

Однако, шутки в сторону, там, в невообразимом, я и нашел книгу с описанием советской физиотерапевтической электрической аппаратуры к самому для меня нужному моменту.

Момент настал к марту, когда Вронин, директор нашего Райпромкомбината, потребовал меня к себе в контору. Вронин не ведал известной в школах поговорки: «Не знаешь закон Ома — сиди дома!», тем не менее, сметкой своей сел для себя достаточно высоко, без твердого знания многого аза.

— Слухай, — веско начал он, — как хош, без всякого якого, а штоб больничная электрическая заявка в Томск завтра была у меня на столе! Я за тебя у начальства отдуваться не стану! Есть ты у нас электрик или нет!

На другой день требование было у Вронина на столе, и я удостоился похвалы (вот это по-нашеньскому!), хотя хвалить бы следовало странности областного библиоколлектора.

С помощью земных или потусторонних сил, с первыми пароходами затребованный груз пришел, но с некоторыми поправками: присланный медный провод для линии был меньше затребованного сечения. Обнаружив такое несоответствие, я тотчас обратился к Вронину, заявив о невозможности по такому проводу питать будущую рентгеновскую установку.

— Ну, уж они там, в области, лучше знают, какой нам провод надо! А ты, давай, берись за проводку прямо по прямой от нас до больницы, штоб электричеству путь сократить!

Легко было Вронину приказывать! Столбы пошли по огородам, становясь иногда на самых неудобных для их хозяев местах, и вся брань за то висла у меня на воротах! (Откель ты такой взялся, язви тебя, в нашем огороде яму копать! Кто такое спланировал!)

Закончив столбовую мороку, натянув линейные провода, я принялся за электропроводку в самой больнице.

Больницей тогда заведовал ее единственный хирург, но властвовала в ней железной рукой старшая сестра, фамилию которой, к сожалению, запомнил. Именно она держала в больнице порядок и чистоту на самом возможном, при имеющихся условиях, высоком уровне. Это требовало от нее не малых сил и настойчивости, когда болевший там мужеский пол куряк, женскую власть признавать был неприучен!

Закончив все проводки, попробовали дать в больницу свет и, конечно, из-за несоответствия проводов линии, лампочки в палатах светили тускло. Трубицин сразу причину понял, а я оправдался, что провода были присланы меньшего сечения, чем указано было в моей заявке. Так ожидаемый себе Вронином триумф отпал, а получившийся провал ему поставили в строку...

Еще через время на пристань пришел рентген, но когда мы явились за грузом, то странным показалось, что американская аппаратура упакована в грубо сколоченные дощаные ящики! Действительно, раскрыв ящики в самой большой, для рентгена предназначенной комнате больницы, в них ничего американского не нашли. Содержимым было рентгеновское старье, уложенное в ящики кое-как вперемешку, без всякого списка и руководства к сборке!

— Вот так удружили товарищи! — увидев сей винегрет, воскликнул Трубицин, — американский аппарат томичи себе ужулили!

Несмотря на возмущение, прищпорившее Трубицина к действию через свои связи, Томск остался непробиваем!

— Что станем делать? — произнес Трубицин, когда он с каргасокскими «электрическими знаками», Афанасием Лаврентьевичем Гаврилюком и мной, у томской кучи, составил консилиум, решающий вопрос судьбы каргасокского рентгена по образцу экспертизы в прозекторской патологоанатома над трупом.

Что касается меня, то я горел желанием собрать и восстановить присланное, как в Каргаске со всей старой техникой делалось. Восстанавливали самовары, чугунки, старые двигатели...

Гаврилюк был осторожнее, сказав, что попробовать можно, не беря на себя ответственность за неудачный конечный исход.

— Ладно, — заключил Трубицин, — как говорится: вперед с Богом!

Началось одно из интереснейших моих занятий в Каргаске: решение технической головоломки. Имеющаяся у нас библиотечная книга по обслуживанию физиотерапевтической аппаратуры, содержала лишь схему рентгеновской установки, без всяких иллюстраций к ней. Что было делать с множеством крупных и мелких частей находящихся перед нашими глазами? Понемногу начиная соображать что к чему, мы стали разрозненное собирать, обнаруживая отсутствие многих деталей, конструкцию которых пришлось додумывать, чтобы потом их смастерить самим.

Американский рентген, по словам Трубицына, был компактен, а наша, постепенно восстановлением возникающая система, вырастала многопредметной и театрально впечатляющей.

Шины высокого напряжения, закрепленные на фарфоровых изоляторах под потолком, большой трансформатор в 50 кВ, пульт управления, стойка с укрепленной на ней рентгеновской трубкой, похожей на большой стеклянный пузырь, стойка флюорисцентного экрана, да еще многое другое, заполняющее комнату, придавало всему вид лаборатории, в которой был оживлен Франкенштейн.

Под эгидой Трубицына работалось легко: он, человек интеллигентный, относился к нам как к равным, без высокомерия, присущего местному начальству в сношениях с подневольными подчиненными.

А знать, что был Афанасий Лаврентьевич сыном уездного врача, студентом, почти кончавшим Харьковский физико-технический институт, когда советская власть ссылкой превратила его в узника. После поселения в Каргаске, работая на почте, он устанавливал ее радиостанцию, радиоузел, телефонную связь, но с годами близкими к войне, НКВД провел санацию важных государственных служб на случай диверсий, повлекшую за собой приказ Афанасия Лаврентьевича уволить.

Ему с трудом удалось устроиться мотористом при клубном кино, на 300 рублей заработной платы в месяц и продовольственного снабжения нижайшего разряда. Трубицын и Гаврилюк были близкого уровня,

вступая при встречах в взаимно интересные разговоры, в которые я, при случае, вслушивался вполуха.

Собственно, Афанасий Лаврентьевич приходил больше в качестве консультанта, продолжая работать в кинофикации, и имел время для бесед. Я же выполнял всю работу как электрик райпромкомбината не только по устройству рентгенокабинета больницы, но так же работ связанных с оборудованием маленькой электростанции, в наскоро срубленной поблизости избышке, с установленным в ней, где-то раздобытым движком, не имея время быть участником их бесед.

Наконец пришел час проверить наши теоретические предположения на опыте. Наш аппарат был собран, а электростанция была готова дать ток.

Скажу, что 50 кВ — это не хаханьки какие, да и рентгеновское излучение к безопасным отнести нельзя! Недаром слишком жесткие лучи, исходящие от анода рентгенотрубки, ослаблялись помещенной на их пути алюминиевой заслонкой, назначение которой, первоначально, мы не могли понять(!), а сам рентгенолог, исследуя пациента, тогда защищался по грудь свинцовой отгородкой и просвинцованным резиновым жилетом вместе с такими же перчатками...

Налив в радиатор анода охлаждающую дистиллированную воду, я подошел к громоздкому пульту управления, старшая сестра больницы задернула плотные черные занавеси на окне, оставив нас при электрическом освещении...

Трубицын и Гаврилюк находились в самом трепетном состоянии.

— Ну как, рискнем? — спросил я.

— Чего уж там: лучше скорая смерть, чем долгое мученье! — ответил Трубицын.

Я опасливо подал ток на пульт... потом включил накал трубки... потом высоковольтный трансформатор... и — ничего не взорвалось!

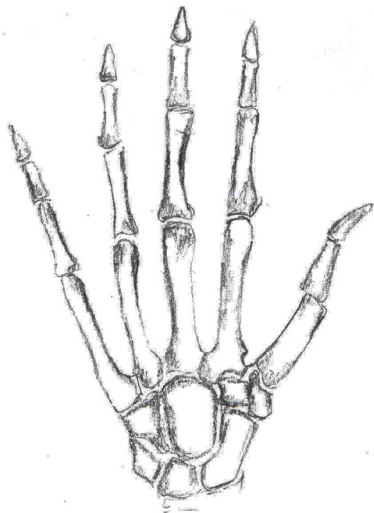
— Кажется, все пока идет удачно! — сказал я.

— Все же, поддержите рентген еще несколько при малом режиме — пусть привыкает! — посоветовал Гаврилюк.

Через некоторое время я вновь стал поднимать вольтаж: на шинах высокого напряжения под толчком возникло шуршание, пылинки там встали дыбом, запахло озоном, а экран рентгена начал светиться.

— Потушите свет! — велел Трубицын, потом подошел к установке, поместил свою руку позади люминесцирующего экрана, на котором тотчас возникла тень руки скелета.

— Ну, товарищи, поздравляю вас с успехом. Если быть откровенным, то все это предприятие казалось мне немного

сомнительным. Выброшенный Томском хлам, его воскрешение неспециалистами.... Но все это, нашими трудами начало работать и еще послужит благу!

— Я полагаю, это отметить надо?

И было отмечено! И был наш пир силен вареной картошкой, кислой капустой, солью и краюхой хлеба — дарами больничной кухни — да еще отмерянными мензуркой каждому по 50 кубиков медицинского спирта!

Еще несколько недель я ассистировал при сеансах рентгена, обслуживая установку, отмечая, как врачи обсуждают туманные отображения на его экране, стараясь составить по ним правильный диагноз. Ведь они не были рентгенологами.

Вот это все о первых «Икс» лучах в Кургаске.

Моторные речные будни

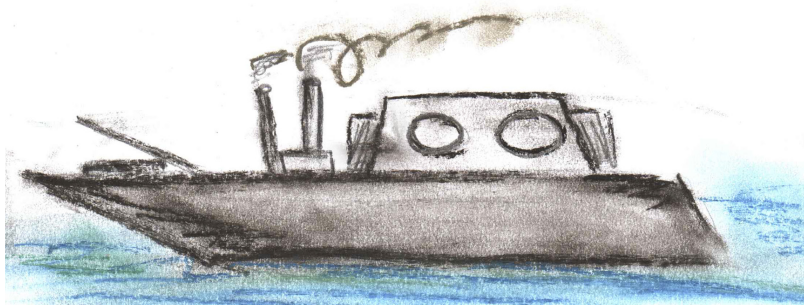
«Моторно» имеет значение «беспокойно».

Без всякого сомнения — она была единственной! Единственная, на Каргасокском берегу, единственная во всем подсолнечном мире! И как не уделить ей несколько строчек?!

Обские лодки постройкой отличаются от лодок других рек. Их нос косо выдвинут далеко вперед, благодаря чему лодка легко взбегает на волну и удобно пристает к берегу, помогая миновать илистую топь побережья. Эти лодки называются неводниками, а те из них, что поменьше — полуневодниками. В мою каргасокскую бытность их было много, есть они, наверно, еще сейчас. Я же имею в виду только ту единственную, и не только потому, что она была моторной.

Однако пора все пояснить подробнее.

Если в местах сухопутья в те поры начальству предоставлялась «Эмка», а коли оно областное власть держащее, то даже «ЗИЛ», то в Каргаске чиновникам легковой автомобиль был незнаком

и вовсе даже не нужен по причине отсутствия подходящих дорог. Начальство тут, следуя опыту местных насельников, к существующим обстоятельствам применилось, — по ближним делам верхом, по дальним командировкам зимой — кошевкой. Летом для сообщения используются обласки и лодки, а начальствующим, при оказии, — попутные катера. Самое высокое Каргсокское партийное правление владело собственным разъезжим райкомовским катером со звучным именем «Лев». Еще одной значимой организацией в Каргаске был Рыбозавод, поставлявший икру и балыки прямо к Кремлевскому столу. Рыбозавод тоже имел свой буксирный катер «Окунь», да коротко перед войной обзавелся моторизованным полуневодничком личного директорского выезда.

С него и поведу рассказ.

В те года украинский завод «Красный Двигун» изготовливал маломощные многоцелевые бензиновые моторчики архипримитивной конструкции. Не вдаваясь в технические подробности, упомяну, что «Двигун» поплавковой камеры не имел и бензин в карбюратор поступал напрямик, через капельницу. Однако «Двигун» работал исправно, в Каргасок их заслали несколько штук, в том числе для рыбозаводской директорской моторки. Только пользовались этой мотолодкой мало, ибо директор предпочитал плавать на более престижном «Окуне».

В первый год войны, по велению сверху, в Каргаске создали моторно-рыболовецкую станцию (МРС), назначив начальствующим составом пар-

тийных активистов из Кузнецка во главе с кузнецким директором Пертушковым, а для укрепления слесарной силы, из Кузнецка же, мобилизовали несколько подневольных умельцев кулаческого переселения.

Но не этим одним определились события для всех, связанных с рыболовством Каргасокского района!

Всех их объявили мобилизованными и подчиненными военной дисциплине: простой люд — бойцами, а начальствующим — командирами. В мастерской МРСа каждое утро бойцы рыбного фронта становились в строй, и командир производства отдавал рапорт Пертушкову о готовности трудового соединения ударно выполнить задание дня. Единый же для МРСа и Рыбозавода политрук, носил при себе в кобуре пистолет, подтверждая им всю чрезвычайность положения. Страна воевала не доедая...

Правда, милитарные строгости в МРСе просуществовали недолго, растворившись в буднях.

Так как первоначально МРС не имела своего плавсредства, то рыбозаводская мотолодка превратилась в разъездную для командира Пертушкова. Чтобы придать ей достойный вид, в ее средней части надстроили каютку с неудачными дверцами, заслонявшим рулевому на корме обзор, из-за чего они всегда оставались в пути открытыми.

Не успел Пертушков совершить несколько рейсов по рыболовецким бригадам — как снабжение бензином нефтебазой прекратилось даже для МРСа! И на чем теперь соединении рыбаков объезжать,

чтобы погонять? Хоть пересаживайся на обласок! Вот тут сработала смекалка механика рыбозавода, старика Помазова.

Варварски выбросив магнето, вместо свечи, ввернув в головку цилиндра медный стержень, окружив его подобием печи, Помазов «Червонный Двигун» преобразил. Когда же разжег в печурке древесный уголь, вместо бензина налил в топливный бачек смесь керосина с нефтью и крутанул движок, то сам удивился бойко заработавшему «Двигуну»! Так родился небывалый гибрид «Двигуна» с буржуйкой, какого не видывал мир!

Пертушков мог снова продолжить свои инспекционные поездки, дымя в три дыма (мотор, печка и собственная неразлучная трубка Сталинского типа), вместе со своим расторопно-услужливым Кутузовым, шофером из города Кузнецка, теперь персонального лодочного моториста. Разъездную лодку же, из-за ее зеленой окраски, вскоре окрестили «Лягушкой».

Списанный «Кооператор» погиб по недомыслию завхоза МРСа. И после него осталась снова одна лишь «Лягушка» да перспективой заложенный в судостроительном ангаре (единственное здание, сохранившееся в Каргаске напоминанием о МРСе) новый катер.

Когда по Каргасокскому району прошла очередная волна мобилизации в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, то смыла Кутузова, вопреки всем стараниям Пертушкова отстоять своего верного слугу.

Так как «Кооператор» погиб, Кутузова забрили, то меня назначили на «Лягушку» мотористом-кочегаром. В Кутузове Пертушков потерял давнего собеседника по делам собственным. К досаде директора, я оказался чужого обычая, из «латышей», настораживавшим своей принадлежностью к социально-опасному «новому контингенту»... Однако, делать нечего, другого моториста не найти: пришлось Пертушкову разъезжать по рыбацким ротам, причислив меня к неодушевленному инвентарю моторки... К этому времени запас керосина в МРСе кончился, заставив «Двигун» перевести на местный коричневый, неочищенный скипидар, содержащий липкие смолы, часто заклеивавшие капельницу карбюратора. Естественно, постоянно прочищая капельницу, уберечь руки от липких смол невозможно, а пыль угля для печурки «Двигуна» прилипала к ним коростой, в продолжении вызывая экзему. Пертушков не желал понимать причину частых остановок моторчика на чистки, относя их не к недостаткам скипидара, а к моему неумению, и вспоминал прежнего Васю Кутузова, при котором «Двигун» работал безотказно. Да и Вася, в выписанной для него брезентовой робе и непромокаемой накидке, работая на керосине, выглядел опрятнее меня. Вдобавок скипидар еще оплевывал смолой выхлопной трубы самого Пертушкова, что тоже ставилось мне в вину. Как следствие, Пертушков запретил рыбакам приглашать к общему артельному котлу «живой инвентарь» лодки.

Другим было отношение заведующего хозяйством при поездках по добыванию продуктов для МРСа в колхозах и рыбацких бригадах, подкармливавшего моториста тем, что случай в дороге посылал. Так удалось испробовать стерлядь, приготовленную по обскому: кусками сваренной в ведре над костром, выложенной затем в миску и залитой янтарно-желтым рыбьем жиром.. Никакой приправы кроме соли, но какая вкусная еда! То ли было бы, если еще лавровый лист да перчик! Но случилось сие редким исключением, вообще невозможным под наблюдением кривого глаза Пертушкова. Такое своеволие было подсудно! Рыбина, «незаконно» съеденная бригадой, считалась отнятой у фронта и, страшно подумать, возможно, от обеденного стола самого товарища Сталина!

Поясняя обстоятельства, скажу: хлебный паек и заработная плата исчислялась мотористу по числу лошадиных сил его катера. Мизер лошадиных сил «Лягушки» определял и мизер моего пайка, да и левый приработок был тут невозможен, не то что на «Кооператоре». Директор относился ко мне недоброжелательно: даже в дождь не разрешал укрыться в каютке, я ему, якобы, заслонял этим вид на реку... Но он-то на руле в добротном брезентовом бушлате, а я, кроме рубашки да подбитой ветром жиденькой накидки, ничего не имел. Словом, положение отверженного довело меня до того, что однажды у «Двигуна» я карбюратор отвинтил и в реку выбросил. Забыл, значит, свою Старо-Югинскую мечту

о мотористе! Но так уж устроено, что личность всегда недовольна настоящим. Тем и объясняется прогресс человечества...

Скандал на другой день, когда Пертушков собрался в Кашу, поднялся мировой! Досталось всем:

— Мало еще, что за «Кооператором» не досмотрели! Сегодня уже и выездную лодку не укараулили! И чем бы это кончилось, если бы Сосипатрович к тому часу не успел достроить новый катер!

Теперь в авральном порядке на него ставили двигатель покойного «Кооператора». Пришлось потому работать по-ударному, более 12 часов в день. После «Лягушки» это было в радость.

Громоздкий двигатель «Кооператора» монтировался на месте указанном Сосипатровичем, — строителем и проектировщиком нового катера, создающего судно в стремлении найти идеальные обводы, придающие ему быстроходность даже при малосильном двигателе. Этим исследованиям Сосипатрович давно посвящал свое свободное время, выстрагивая модели, испытывая их в корыте, и теперь опыт, обретенный моделированием, должен был быть проверен делом. Совершенство всегда изящно. Изящество творению Сосипатровича придавала надстройка, объединившая кормовую каюту, машинное отделение, рулевую рубку и носовой кубрик.

«Господская каюта» имела по середине стол, скамьи по бортам и выход на корму. Силуэт судна получился приземистым, устремленным вперед, без обычной неуклюже торчащей рубки. Совмещение

моторного отделения и рубки имело еще и то удобство, что при необходимости, катер мог управляться одним человеком. Постройка велась тщательно, под неусыпным наблюдением Сосипатровича. Завершив строительно-монтажные работы, подводную часть судна покрасили суриком, корпус темно-зеленой, надстройку, бледно-голубой красками. Ватерлинию провели белой и ею же окрасили все помещения внутри. Когда катер спустили на воду, он лег точно на ладонь выше ватерлинии по всей ее длине — теоретический расчет Сосипатровича оказался без укоризны. Также хорошо катер выдержал ходовые испытания, лишь немного пришлось подогнуть лопасти винта для согласования с корпусом. Теперь, заложив руль в крутую циркуляцию, чуть снижались обороты судовой машины, что считалось признаком соответствия винта судну... При прямом руле катер шел ходко, оставляя за кормой гладкий след, а нос разводил расходящиеся в стороны пенистые усы. Знающий речной люд оценил работу по достоинству.

Сосипатрович ходил именинником, светясь всем лицом... Только, странным образом, название судну не было дано никакого, и стали его звать просто служебным.

Презентация «Служебного» началась всеобщим катанием по реке Каргасокского начальства. По такому случаю капитану выдали франтоватую форменную матросскую робу, а мне, черный, из блестящей клеенки, американский ленд-лизковский комбинезон, в который, чиркнув от ворота до пояса замком, влезать было

как в мешок. Выглядел я в этой шкуре лихо, да только в ней так потел, что пот начинал капать из штангин. Потому американский подарок я облачал голышом и лишь тогда, когда ходили с Пертушковым.

Еще нам выдали каждому по матрацу и подушке в кубрик.

Вскоре, районное начальство начало новенький «Служебный» выпрашивать для своих рейсов — лимита керосина райкомовскому «Льву» хватало только для экстренных выездов. Мы же научились отличать негодный, содержащий воду деготь, от качественного, погружая в него стеклянную пластинку и, если вынув, на ней обнаруживались малюсенькие светлые бисеринки, такой не принимали. Теперь наши плавания на дегтярном топливе проходили без отказа двигателя, но не так вольготно, как на «Кооператоре» в плане «леваков».

Обычно по субботам Пертушков в одиночку отправлялся гульнуть для отвода души. Чаще всего по Васюгану в колхоз поселка Недоступный. Не имея раций, оставалось непонятным, как там заранее узнавали о нашем появлении. Стоило только пробраться по сложному меандру протоки до поселка и причалить, как к нам уже спешил местный счетовод с парочкой одалисок, несших всякий припас в корзине, из которой высовывалось горлышко «гусыни», сиречь, четверти самогона. Начиналось пиршество с песнями, которое затягивалось до рассвета. Нас с капитаном, понятно, к столу не приглашали. Однажды компании, собравшейся на катере, ночью

вздумалось покататься по Васюгану, что в темень было невозможно, не заблудившись и не посадив судно в старице Недоступного на мель... Доказывать это подвыпившим не имело смысла. Мы решили затянуть время, объясняя проволочку недолгим, но нужным профилактическим ремонтом двигателя. Тактика сработала — девицам ждать надоело, и вся компания отправилась в деревню. Когда все стихло, Иван, так звали капитана, предложил:

— Давай пошукаем, че тут у начальства осталось!

Надо сказать, что были мы полуголодными, как это случалось, когда имели командира на борту...

— Не стоит рисковать, Ваня, еще напоремся на неприятности!

— Да брось ты! Они до утра не покажутся!

Что ж, довод весомый! По борту обошли каюту до кормы и спустились к столу, над которым продолжала гореть подвешенная к потолку керосиновая лампа «Летучая Мышь». Нам открылся великий соблазн: куски вареного мяса, балык, квашеная капуста, шаньги, кирпич нарезанного хлеба, жареная рыба!

— Во, подвалило! — Иван сбегал к нам в кубрик, принес миску, потом стал от всего в нее откладывать не обращая внимания на мои уговоры — не свирепствовать.

Только успели мы завершить грабеж и возвратиться в машинное отделение, как кто-то взошел на катер, чтобы потом снова уйти в поселок. Оказалось: он унес четверть с остатками самогона.

— Вот не до дули отлить себе чуток! — посетовал Иван.

— Что ты! Задержись мы чуть подольше, — попались бы! Ты и так с горлышка хлебнул! А почему самогон этот такой синий?

— Это потому, что он из свеклы гнатый и первейшего качества! — пояснил Иван.

Мне же, самогон этот, своим цветом напомнил денатурат, используемый в Риге для разжигания примуса. На его этикетке изображался череп со скрещенными под ним костями, извещавшей, что этот спирт отравлен.

Утром Пертушкова под ручку деревенские бражники привели на катер, уложили на скамью господской каюты, не сказав нам ни слова. По своему почину завели двигатель и побежали в родной Каргасок. Причалив к пристани, сооруженной возле МРСа, ждать долго не пришлось, как появилась верная супруга, смела всю оставшуюся снедь со стола каюты в кошелку, разбудила свое кривоглазое сокровище, и повела в семейное гнездышко отдыхать от трудов тяжких. Какими способами, но в понедельник Пертушков ходил в своем синем морском кителе, свеж как огурчик. Железного здоровья был человек!

В людском окружении всегда найдется особа, вызывающая любопытство. У эстонской части ссыльных это был Юзе, интересный тем, что был соотечественником, но не нового контингента, а из числа крепки советской власти в Новом Васюгане. Собственно, у меня его фамилия вызвала сомнение: Юзе больше

звучало на французский лад. Однако в России фамилии часто переделывались из-за трудности их произношения, и, потому, неудобная, почти непроезжимая русскому буква О эстонского алфавита в фамилии Бзе, легко могла трансформировать всю фамилию в Юзе.

Мне же была любопытна не национальность этого человека, якобы матроса Кронштадта, а то, что он привез на Васюган парусную лодку, там изумляя всех умением ходить на ней против ветра и тем, как он, одноногий, с ней управлялся... Доставить парусную лодку из Балтики через всю Россию в Нарым — это ли не удивительно! В последнее время Юзе перевели в Каргасокский райисполком, но в село он перебрался уже без своей парусной лодки.

Будни на «Служебном» отличались от прежних на «Кооператоре». Раньше о рейсах извещали наперед, выписанным путевым листом на каждый, с пометками, где и когда приставать и сколько всему плаванью длится. На «Служебном» мы жили в полной зависимости от наития начальства. Бывало, целый день стоим в бездействии у пристаньки, устроенной катеру заботливым Сосипатровичем, начиная думать, что сегодня ночью останемся в Каргаске, как из конторы бежит посыльный с распоряжением готовить катер в рейс, хорошо еще, если в близкий поселок...

Так однажды, под сумерки, когда с капитаном уже решали, кому на ночь отправляться домой, а кому дежурить на катере, к мосткам пристаньки

спешным шагом с берега спускался сам Пертушков, блестя латунными пуговицами форменного кителя.

— Вот нелегкая кривого несет! — в досаде сплюнул Иван.

— Да уж! Придется двигатель раскочегарить! — заключил я, спускаясь в машинное отделение.

— Как там у вас: все в порядке? — подойдя, спросил Пертушков.

— Как всегда! — ответил Иван.

— Плохо, если как всегда. Как всегда у вас только одни неполадки бывают! Короче: заводите и подгоните катер к райисполкому, где я с товарищами стану ждать.

Чтобы разогреть и пустить в ход нефтянку, надо минут 10—15. Спустя это время мы пристали к берегу напротив райисполкома, близ ждущей нас кучки людей в приподнятом настроении... Наверно нам предстояла увеселительная поездка. Капитан спустил трап, часть компании, поднявшись на катер, заняла кормовую каюту, остальная осталась на палубе.

— Не глушите, — распорядился Пертушков. — Один товарищ запаздывает!

Ожидание затягивалось сверх времени... Темнело... Послышались недовольные возгласы:

— Куда же он пропал?! — Сколько еще ждать будем?!

Наконец под берег, спеша, начал спускаться одноногий человек, привычно опираясь на инвалидный костыль, с планшеткой через плечо и жестяным чайником в свободной руке.

— Живей, воробей! Где так долго пропадал? Мы в тебе уже сомневаться стали!

— Вы думаете, что это просто горячее доставать? Но если Юзе за что-то взялся, то сделает обязательно!

Юзе стал ловко бочком подниматься по трапу, выказывая большую сноровку: наш трап не паровозные сходни с перилами, а просто широкая доска, поперек которой прибиты бруски вместо ступенек.

— Ну, теперь отваливайте! — скомандовал Пертушков.

Но только Иван принялся втягивать на палубу трап, как с берега к нам устремилась фигура в форме речника, крича в жестяной рупор:

— Стойте! Речная инспекция! Отход запрещаю до проверки плавсредства!

Иван, будучи капитаном, застыл в нерешительности, а я, у окна машинного отделения, ждал дальнейших событий, соображая:

— Наверняка инспектор поставит катер на прикол потому, что нет у нас ни судовых позиционных огней, ни спасательных кругов, ни судового журнала.

— Почему задерживаемся? — высунулась из окна кормовой каюты голова недовольного Пертушкова.

— Да вот судовой инспектор отходить запрещает! — объяснил Иван.

— Какой там еще инспектор! Тебе приказано отчаливать и — этим все!

Нам, естественно, свое начальство ближе! Я врубил реверс, дал двигателю полные обороты,

оставив размахивающего на берегу руками инспектора за кормой.

Но лучше бы было, если мы остались.

Повседневное превращается в рутину. Плавание на катере — из катания в скучные поездки по давно примелькавшимся маршрутам. Ночью же особенно: тусклое освещение моторного отделения керосиновой «Летучей Мышью», монотонный шум машины, отблески медной арматуры — все навеивает сон, от которого спасаешься, набрав ведро забортной воды, чтобы ею сполоснуть дуреющую голову. Я уже готовился к такой борьбе с собой, как внезапно в машинное спустился Юзе:

— Ну как, братва, не позвали вас в кают-компанию подкрепиться? Не вспомнили! Юзе не такой! Юзе о братве не забывает! Кружка у вас найдется?

И когда нашлась, Юзе плеснул в нее из своего чайника, потом положил на кружку толстый ломоть хлеба, извлек из кармана тавлинку, содержимым которой ломоть круто посолив, спросил:

— Где капитан?

— Капитан, начальство тебя спрашивает, — просунув голову в рубку шумнул Ивану.

— Че ему?

— Да ты спусться, сам узнай, а я пока у руля побуду!

Только успел разобраться в путевой обстановке, как Иван вынырнул около меня.

— Иди, теперь твой черед!

— Что там от меня нужно?

— Ничего, просто угощает человек!

Действительно, в машинном меня тоже ждал Юзе с нашей жестяной кружкой, также накрытой толстым ломтем хлеба.

— На, механик, хлебни и подкрепись!

— А что там в кружке? — Флотское! Зачем спрашивать?

Меня больше привлекал посыпанный крупной солью кусок хлеба, но по вежливости я сделал маленький глоток из кружки, сразу поперхнувшись самогоном или иным, очень спиртным! Неумение мое развеселило Юзе:

— Эх, слабый ты моряк — смотри, как это делается! — и, залпом выпил остаток кружки, затем шумно выдохнув.

— Вот так: одним воздухом закусываем!

Ломоть хлеба он передал мне и, немного придя в себя, я принялся краюху упитывать.

— Слышь, друже, мне бы отдохнуть маленько! Место, чтобы прилечь у вас для меня найдется?

— Найдется!

Я открыл дверцы кубрика, где он улегся на рундук, покрытый матрасом. Закрыв дверки, снова стал на дежурство у двигателя. Только сознание мое стало

застилаться туманом... Не знаю, уснул ли я... кажется нет. Помню, сделал усилие стряхнуть с себя дурман. Взял ведро, решив освежиться водой, но, спустив его за борт, обычного рывка не почувствовал — привязанную к ведру веревку не потянуло, как тому быть на ходу, ведро лишь вяло плеснулось, будто упало в колодец...

— Что за черт! Ведь стоим! — ударила мысль и чтобы увериться, принялся внимательно всматриваться в ночную темень. Сомнений больше не было: мы стояли на месте!

— Иван!

— Ась? — отозвался он, очнувшись у рулевого колеса.

— Иван! Что дрыхнешь? Мы ведь сели на мель!

— Не может того быть!

— Как не может? Вылезай смотреть, куда ты «Служебный» затурил!

Поднялись на палубу. Кругом темно. Кропит дождичек. Где мы — не понятно...

— Ну, Иван-батькович, убедился, что сидим на мели!? Однако, как и куда с нее сниматься? Пока выключу реверс и переведу на холостой, а ты багром промерь, где глубже!

Поставив реверс на нейтрал, а двигатель на малые обороты, вновь поднялся на палубу.

— Ну, как — где глубже?

— На корме. Видимо носом на мель наткнулися!

— Видимо! Вот проснется начальство, тогда увидишь и невидимое! Но где фарватер? Ни зги не видно!

— Да эвон! Белый бакен светит!

— И верно! Тогда с носа багром с нее сталкивайся, а я полный назад дам!

Однако задний ход не помог. Крепко сели!

— Придется тебе, Иванушка, в воду лезть и тогда толкать! У носа померь — глубоко ли там?

— Глубоко — неглубоко, а лезть придется!

— Эх-ма! — и Иван плюхнулся в воду, оказавшуюся ему чуть выше пояса. Потом уперся плечом в нос катера. Натужился — катер не сдвинулся.

— Дай-ка, Степан, немного заднего!

Спустившись в машинное, я дал. Послышалось легкое шуршание. Знать, с мели мы снялись! Снова ставлю реверс на нейтрал, ожидая пока Иван взберется на катер и станет к рулю. Жду... А Ивана нет! Нет и нет! Неужели в воде остался?! Спешу на палубу.

— Иван! — зову в ночь. Он откликается где-то слева. Течением нас несет... Чтобы не снесло дальше, спускаюсь в машинное и коротко даю самый малый вперед, затем снова выбираюсь на палубу в момент когда «Служебный» по инерции ткнулся в мель. Выношу на палубу «Летучую Мышь» ориентиром.

— Добирайся сюда! — ору.

Проходит значительное время пока у носа раздается плеск вместе с голосом Ивана:

— Помоги залезть — совсем закалел!

Действительно: дело к осени, вода в Оби не летняя. Спускаю с борта трап, и с моей помощью Иван

взбирается на палубу. Его трясет от холода и возбуждения.

— Как это ты катер упустил?

— В-выскользнул он у-у м-меня, пон-нимаешь! Та-а-ак сразу и вы-ы-ыскользнул! За якорь не успел у-уцепиться!

— Ну ладно, что еще так, — говорю, — не отнесло далеко и посчастливилось тебя найти в дождь и темень! А то бы тебе до берега добираться да рассвета ждать! Про то, что после от Пертушкова было бы и говорить не хочу.

Сел мой капитан снова за руль, снова отвалили, держа курс на белый огонь бакена. Вскоре открылся свет красного: мы были в фарватере....

— Вот бы сейчас дербануть спирта Юзы! — мечтательно произнес Иван. — Сразу согрелся бы!

— Так тебе еще случившегося мало! Лучше слезай со своего шестка и не сиди там мокрой курицей. Разденься, да у глушителя мокрую одежду развесь — там она мигом просохнет!

Иван послушался, разоблачился, а я его сменил, забравшись на сидение в фонаре рубки у руля.

Одежда действительно высохла быстро и когда при раннем тусклом рассвете мы подошли к Подбельнику, капитан был уже в своей «форме», как ни в чем не бывало. Выбросив на берег якорь, спустив трап, капитан пошел будить пассажиров, я занялся уборкой моторного отделения. Как весь «Служебный», мы держали также отделение мотора в образцовой чистоте, так что у машины хоть на пол ложись

отдыхать. Через люк я видел товарищей помятого вида, покидающих кормовую каюту. Остались Пертушков с несколькими, когда с берега раздался голос:

— А, главный то наш, Юзе, где? Тут же в люке показался Иван:

— Буди, слышь, Юзю этого, что в кубрике.

Кубрик наш в носовой части имел низкий потолок, чтобы не заслонять обзор рулевому, а по обеим сторонам у бортов, два рундука на которых наши спальные матрасы. Открыв дверцы кубрика, еще скудно освещенного четырьмя маленькими иллюминаторами, первым мне увиделся блеск чайника на полу и только после, неясно, человек лежащий на рундуке Ивана спиной вверх.

— Товарищ! — позвал я. — Приехали! Вставайте!

Однако, никакого ответа на это.

Тогда, шагнув в кубрик, потряс его за ногу. Но... она показалась мне странно одеревенелой. Уже предчувствуя беду, преодолев робость, шагнул ближе, нагнулся, чтобы заглянуть лежащему в лицо. В сумраке оно различалось восково-желтым с открытыми глазами и зеленым пузырем слюны у рта. Человек был мертв. От увиденного меня отшатнуло, потом заставило спешно выбраться на палубу...

— Что с тобой? — спросил Иван, определив по виду что-то необычайное со мной случившееся.

— Там в кубрике Юзе мертвым лежит!

— Как мертвым? От чего? Тебе показалось!

— Не показалось — он успел окоченеть! Иди, сам посмотри!

Иван в кубрик спускаться не стал. Только спросил:
— Что делать теперь будем?

— То, что скажут. Иди, доложи Пертушкову!

Растерянный Иван отправился в кормовую к директору, я остался на палубе не имея охоты спускаться в моторное, соседствующее с кубриком. На уступе яра, в нетерпении ожидали высадившиеся пассажиры, не подозревая о случившимся... Затем послышалось недовольное ворчание, катер накренился на борт, по которому, выбравшись из каюты, хватаясь за обносные паруски крыши, ко мне пробирался Пертушков:

— Что тут опять стряслось? — спросил.

— Случилось плохое, — товарищ Юзе умер!

— Не может быть! Просто спит крепко! Иди, растормоши его как следует!

— Уже тормозил! Но он действительно мертв. Даже заковенел. Можете сами посмотреть.

Пертушков недобро на меня посмотрел за отказ оживить покойника, потом, поняв, что все мною сказанное — правда, сошел на берег и там распорядился послать за местным фельдшером, испугав вестью о произошедшем всю кампанию.

Фельдшер, тоже перепуганная женщина, явилась в уставном белом халате, по настоянию Пертушкова, робко вошла на катер, спустилась в машинное и через открытую дверь кубрика, бросив беглый взгляд на мертвого, поспешно вернулась на берег.

— Ну что, выносить его в медпункт? — спросил Пертушков.

— Нет, нет! Ни в коем случае! — решительно воспротивилась фельдшерица, — он мертв! Везите его немедленно обратно и пусть в Каргаске во всем разбираются те, кому следует!

— А кому следует?

— Ах, я про это не знаю! Наверно милиция!

Дело стало серьезным. Пертушков расстроился окончательно. Некоторые, от греха подальше, остались, вроде как по делам, в Подъельнике. Остальные участники увеселительной поездки понуро забрались обратно на катер. С печальным грузом на борту весь возвратный путь шли в подавленности... «Служебный» вернувшись, причалил к Каргасокскому берегу у взвоза конторы Лессплава.

К тому времени Пертушков успел решить, как держаться в создавшейся ситуации: всем приказал с катера никуда не уходить, сам же отправился в РОВД сообщать о случившемся. Вернулся он с несколькими представителями органов, начавших осмотр тела, катера и опрос пассажиров... Ивана и меня, почему-то, на месте не допросили. Долетали лишь обрывки фраз — «один спец, другой латыш» — хорошее не предвещавших. Когда под берег, громахая, к катеру подъехала больничная телега с двумя женщинами, «сотрудники» приказали нам вынести труп и положить на повозку. Иметь дело с покойником без привычки всегда малоприятно.

Для нас вынести Юзе оказалось не только душевно, но и физически трудным. Сперва никак не удавалось приноровиться в тесноте кубрика,

чтобы поднять покойника, — тело выворачивалось из рук, не имея одной ноги. Пронести мимо двигателя было еще трудней... Еле дотащив мертвеца до люка, позвали кого-нибудь на помощь. Никто не подошел, ни больничные, ни его прежние собутыльники. Пришлось нам Юзе почти вывалить на берег... После того, как нагруженная покойником телега уехала, нас с Иваном повели в райотдел на допрос. Там, составив протокол, Ивана отпустили, а меня сопроводили в недавно выстроенную КПЗ. Вероятно, я им показался наиболее подозрительным: из «латышей нового контингента». Посадили меня в каталажку «дома печали», окно которой было зарешечено, да еще прикрыто «ежевским колпаком» так, что через верх этого ящика виднелся только прямоугольник неба. Положение мое могло стать самым плачевным, если для выполнения плана, начальник НКВД припишет мне 58-ю статью. В таком случае все оправдания без пользы, о них не стоило думать. Оставалось только ждать... Но как тяжела неизвестность! Прошло далеко за полдень, когда дежурный, открыв двери, приказал:

— Выходи!

Я вышел, ожидая команду: «Лицом к стене! Руки за спину!» Но такой не последовало. Вместо нее услышал:

— Что стоишь? Шагай домой! Мы сегодня добрые!

Скажу, что на шутку среагировать не смог и скорее устремился во вторую открытую дверь КПЗ, ведущую на опоясанный высоким бревенчатым заплотом

дворик, где ждал другой чин НКВД, при виде меня коротко бросивший стоявшему у выходных дверях охраннику: — Пропусти незарегистрированного!

Двери открылись, я очутился на общем дворе райотдела, поспешив это место оставить в недоумении и облегчении.

После гибели «Кооператора» нам вменили в обязанность не отлучаться от «Служебного». Потому, оказавшись свободным, отправился на берег, где нашел Ивана сидящего возле катера на мостках причала. От него я узнал о смерти Юзе как «сгоревшего от спирта». Много позже стало известным, что причину смерти бесстрастно определил эвакуированный из Ленинграда врач, доктор Трубицын, не поддавшийся влиянию некоторых. Ему Каргасокский район обязан хлопотами по обретению Каргасокской больницы первого в районе рентгеновского аппарата. Как-то потом, когда я монтировал рентген, в беседе о Каргасокском партийном начальстве, Трубицын сказал:

— Они еще спорят о том, как писать правильно — мятель или миттель!

Поговорив у катера с Иваном о случившемся, вернулись к повседневности: день клонился к вечеру и черед был Ивану оставаться в ночь на судне.

— Слыш Степан, жутковато мне оставаться сегодня одному здесь! Может быть, побудешь со мной. Когда-нибудь потом с тобой сочтемся!

Я Ивана понял. Хотя в приведения не верил, но знал, что привидется, как правильно говорят

в народе, может всякое. Сбегал домой, показался семье, вернулся и вместе с Иваном провел ночь, однако в кубрик не заходил — все чудился там сладковатый трупный запах. Позднее, после нескольких рейсов и капитальных прибинок, наваждение прошло...

Как палка имеет два конца, так и всякая неприятность имеет свою положительную сторону... После печального происшествия начальство на «Служебном» кататься перестало и нам в рейсах снова стало вольготней.

Васюган в последний раз

Все началось концом... Валентина Григорьевича Рудского Станция Юных Техников (СЮТ) лишилась — его перевели в Каргасокскую Среднюю Школу. СЮТ из помещения Районного Дома Культуры, где она хорошо обустроилась своими трудами и хорошо посещалась ребятами, выселили. Выселили поздней осенью в Дом Колхозника, развалившегося к этому времени так, что наезжавшее в село крестьянство предпочитало искать другие места постоя.

В эту заброшенность свезли весь наш скарб с такой поспешностью, что не дали даже времени убрать с Оби скотовскую моторную лодку «Техник» и ее раздавило шугой. На новом месте без электричества, с выгоревшей в ходах печью, огонь топки которой, гудя, шел прямо в трубу ничего не согревая, существование СЮТ стало невозможным. Станцию переселили в избушку около рыбзавода, пусть всего двух комнатную, зато отапливаемую исправной печкой. Электричества не было, радиолобительский кружок закрыли, а все из прежнего «богатства» СЮТ, что не нашло места в тесноте комнаток, сложили в пристроенный к избушке сарайчик до лучших времен.

Вдалеке от школы, без побуждающей энергии Валентина Григорьевича, мы кое-как просуществовали зиму. Когда же по весне завершилось строительство новой семилетней школы села, нас в третий раз переселили, но не как СЮТ, а в новом звании Дома Пионеров в бывшие хоромы семилетки.

«Переезд пожару подобен», говорит пословица. В наши три переселения из имущества бывшей СЮТ попортилось и потерялось многое. Расстались также с руководительницей СЮТ, женой директора районного дома культуры...

Нет худа без добра... Дом Пионеров просторен, но требовал ремонта и в первую очередь крыши здания. Душой и головой, решающей все возникавшие трудности, стала Таисия Абрамовна Красикова, пионервожатая Каргасокской средней школы, хотя и не числившаяся в директорах Дома. Средств для технических кружков не хватало: срочно перекрыть крышу наняли шабашников и на них ушли почти все имеющиеся деньги. Но было одно: наряд на пиломатериалы и возможность покупать масляные краски, гвозди и подобное за счет ремонта здания. От возобновления занятий радио снова пришлось отказаться; взамен организовался кружок судостроительства. Дом Пионеров стоял на Оби, «Техник» погиб и стало в самый раз заняться судостроением, имея наряд на тес (предназначенный официально на ремонт Дома!). Наперво построили парусную лодку, с которой в словарь кружковцев вошли слова яхтсменов: румпель, штаг, шкаторина, гик, гафель и т. д. Летом учились ходить под парусом и лихо причаливать к мосткам на берегу. Однако ветер не постоянен и если дует слабо, то ходить против течения реки плохо и о путешествиях под парусами можно и не думать.

Дом Пионеров теперь снова обрел крепкую связь со школами, а возникшая у Валентина Григорьевича

мысль совершить по Васюгану плавание в несколько сот километров постепенно находила поддержку РайОНО. Первым делом необходимо для задуманного добыть средства. Лишь ему известными путями Валентину Григорьевичу удалось договориться о финансировании Каргасокским Лессплавом ЭКСПЕДИЦИИ по описанию берегов Васюгана на протяжении не менее 200 километров от его устья. Сколько помню, на Верхах обсуждался вопрос целесообразности сплава леса молею, и потому экспедиция должна была совершаться в межень¹ Васюгана.

Такой замысел был для Дома Пионеров сущим подарком, оживив работу кружка судостроения! Для предстоящего путешествия выполнили чертежи легкой моторной лодки из тонких досок, начали ее строить. Самая малая толщина теса поставляемого лесопилкой была 2,5 сантиметров, а требовался нам 1!.. Поэтому мы ручным рубанком сгоняли излишнее в стружку. Это стоило большого настойчивого труда кружковцев! Из обработанного собрали шпангоуты, установили их на киль, обшили так получившийся остов, потом прикрепили к дну корпуса подводную часть: трубу гребного вала, винт и руль, сварив металл тогда еще новой для Каргаска электросваркой. Летом лодка была готова, радуя в мастерской своими обводам, голубыми бортами, белой палубой.

Ответственность ложилась на Валентина Григорьевича не шуточная. Подписав договор Лессплава, по которому экспедиция получала деньги авансом, обязуясь в оговоренный срок выполнить обязатель-

1. Самый низкий уровень воды в реке.

ства, он стал ОТВЕТСТВЕННЫМ за это. Подобрал надежных участников экспедиции, создав «команду», Валентин Григорьевич начал закупку необходимого, выпросил для похода полуневода, получил наряд на бензин и смазочное масло. Только, к вашей досаде, в это ответственное время я заболела и все сваливается на Валентина Григорьевича!

Меня лихорадило несколько дней. В утро, когда проснувшись вдруг почувствовал себя здоровым, к нам постучался очень расстроенный Валентин Григорьевич: его ждали серьезные неприятности, если экспедиция не выедет из Каргаска прямо сегодня! Срок ее отбытия по договору прошел несколько дней назад...

— Что делать? Как я себя чувствую?

Домашние в тревоге! Куда ехать, если у больного только ночью спал жар? Больному отлежаться надо!

Однако чувствую себя отлично — лишь слабнемного. А Лессплав не родное РайОНО и шутки с ним плохие. Я еду! Валентин Григорьевич обрадован, спешит созвать ребят. Собираю свои вещи, как в песне про Мальбрука, прощаюсь с женой. В мастерской Дома Пионеров уже ждут несколько участников. Движок, гаечные ключи к нему, молоток, отвертка, емкость огнетушителя для масла, солидол, моток проволоки... Запальные свечи! Одна ввинчена в головку мотора. Несколько про запас. Ищем. Находим только одну!. Надо бы еще, да где взять: в магазине не купишь, а ходить кланчить по катерам — времени нет! Вот и Валентин Григорьевич с остальными участниками подошел. Выставляем раму и через окно мастерской,

пути выносим лодку. Она такая легкая без мотора, что на воду спускаем без трудов. К берегу причален полуневодник с экспедиционным добром. В него же грузим наш мотор Л-3 и инструменты. У моторной лодки ладные весла и настоящие морские уключины. Сажусь, взяв полуневодник с человеком на буксир, гребу к нефтебазе. Там получаем бочонок бензина; бочонок принимаем на борт, но с автолом затруднение. Его нам нацедили в огнетушитель всего литра три вместо десяти: больше масла на нефтебазе нет, но будет завтра... А нам ждать нельзя! И их нефтебазовское «завтра» не очень надежно. Три литра масла хватит на раз заполнить картер да около литра еще останется!

День солнечный, рождающий оптимизм! Мы оставляем нефтебазу, гребем по левой протоке Оби до Нефтебазовского острова, где на чистеньком, обдуваемом ветром пляжике, причаливаем. Находим два бревна, поперек которых ставим нашу моторку и начинаем установку Л-3, а Валентин Григорьевич занимается устройством нашего первого экспедиционного лагеря. К вечеру все готово. Спускаем моторку на воду, заводим движок: лодка бежит ходко, не разводя волны ни носом, ни кормой. След ее чист: признак того, что мощность нашего Л-3 полезно расходуется на движение. Тем временем готов первый экспедиционный ужин: суп из риса, свиной тушенки, с перцем, лавровым листом, приправленный томатами с собственных огородов!

Следующим утром Валентину Григорьевичу пришлось поднимать разоспавшихся ребят: экспе-

диция должна подчиняться графику движения! Ее нигде не ждали столовые, повара и готовая еда: она должна обслуживать себя сама и вовремя. ВРЕМЯ ДОРОГО! Сон команды Валентин Григорьевич разогнал утрений зарядкой. Нарымчане пугают чужаков комарами да гнусом. Эта нечисть действительно просыпается ко дню Лукерьи Комарницы, но признание можно от этого зла уберечься.

Свернув лагерь, мы водрузили флаг, отметив им место начала нашей экспедиции; затем, погрузившись под перестук Л-3 и полуневодником на буксире, быстро добежали до темной струи Васюгана впадающей в белесые воды Оби. Его бар, некогда доставивший мне много страхов, в межень стал мирной песчаной косой не грозящей, как то было при паводке, пробить в бурю дно неуправляемого судна. Обогнув косу без всяких приключений, мы медленно пошли вверх по Васюгану. Поднимались приблизительно в час по семь километров, что было совсем не плохо. Если удавалось, шли приглубью яров, где иногда наш ход ускоряло течение. Протока Киндал, далее выстроившаяся длинным чередом Бондарка, за ней одно из красивейших мест Васюганского берега — Исаевка, а там за лукой и Новое Югино. Погода ясная! Хорошо на реке! Но меня все гложет гребта — малость нашего запаса автола...

— Пристанем в Ново-Югино! — кричу Валентину Григорьевичу на полуневодник.

— Зачем?

— Автол поискать!

Помнил в Ново-Югино лесопилку. Может быть там можно выпросить немного масла, если она еще существует. Она существует и ее 22-х сильный «Кировец» своими двумя большими чугунными маховиками вертит по-прежнему! Поздоровавшись, предлагаю механику закурить моего «Севера» начиная дипломатический разговор.

— Вам привет из Каргаска от Алексея Кутякова!

Расчетбылверным: КутяковработалвНово-Югинской семилетке директором — в поселке всем знаком и уважаем. Механик польщен таким персональным приветом значительного лица. Поговорив про дела житейские, рассказав о нашей экспедиции и затруднениях со смазочным маслом, дружески расстаемся с огнетушителем пополненным автолом по пробку. Больше в поселке делать нечего. Сходим к нашим лодкам, около которых теперь стоит неуклюжий моторный карбас, разящий пролитым в нем керосином или бензином так, как Бакинский нефтяной промысел XIX века.

Теперь в пути с достаточным запасом масла я нахожусь в прекрасном настроении. В Старо-Югино пристаем для осмотра нового лесопильного завода (постройки, которой я тоже был участник) и поселка. Мне это занятно, ведь тут я начал свою сибирскую жизнь. Знакомых почти не встретил, только на заводе работал токарем постаревший Федор Муковкин. Всё изменяет время!

У своих лодок снова находим знакомый карбас с керосиновым мотором эстонского механического за-

вода Пярну. На другом берегу вдалеке виднелась большая ветряная голландская мельница колхоза на Щучьем Мысу, возведенная тамошним мельником-умельцем. Считай: проплыли около пятидесяти километров за день! Вполне приемлемая дистанция для первого перехода!

В Щучьем разбили бивуак на высоком бугре около реки, с просторным видом: Васюган, Старое Югино, таежные гребни противоположного берега...и закат, закат! Красотища! Свобода!

Проснулся поутру от шума треплемой ветром палатки. Выглянув наружу вижу: Матерь Божья! У берега пенный прибой! Наша моторка почти затоплена навалившимся на нее полуневодником. Что могло быть хуже? Не закончилось ли этим наше предприятие?

— Тревога! Аврал! Полундра! Свистать всех наверх!

Поднял спящих и мы бросились к реке спасать наш транспорт. Нам повезло: тяжелый полуневодник не раздавил хрупкую моторку. Все взялись отливать воду. Наша еще вчера опрятная, свежескрашенная моторка, когда ее как утоплиницу откачали, выглядела ужасно: вся в всплывшем из двигателя масле. Неприятного долгого труда стоило лодку отмыть нагретой в ведре мыльной водой! Пришлось тоже перебрать Л-3, чтобы удалить с двигателя набравшуюся воду. Масло механика Ново-Югинской лесопилки спасло нас! В будущем стали предусмотрительней выбирать ночные стоянки, избегая открытых приплёсов.

Не в состоянии все события расставить по дням — очень уж много лет тому прошло — буду дальше рассказывать о происшествиях экспедиции «вообще». А проходило все в прекрасных элементах жизни: вместе с водой, землей, воздухом и светом! У нас сам собой установился порядок, при котором за рулем моторной лодки после стоянок на обед сменялись рулевые. Отстоявший вахту (вернее сказать — отсидевший ее за рулем на корме) переходил на буксируемый полуневодник, где было веселее.

Валентин Григорьевич по компасу и часам чертил карту пройденного пути и заносил в экспедиционный журнал наблюдения, обсуждая с ребятами виденное. Отмечались высота яров, места выбегов речушек, растительность по руслу, считали количество бревен обсохших по берегам и многое другое, о чем уже не помню. Тут требовалась зоркость ребят (Валентин Григорьевич и тогда без очков не ходил), экспедиция же бинокля не имела (такового не было даже в богатом физкабинете Каргасокской школы!). Иногда по два раза в день нас обгонял карбас, грузно раздвигая воду тупым носом и обдавая облаком керосинового угара, почему мы окрестили его Керосин-Бензиновичем.

Он принадлежал сельпо и приставал к поселкам по ему известным делам, а мы его тогда обгоняли. Когда он в который раз, попыхивая выхлопной трубой, появлялся из за очередного поворота реки, настигая, мы ему махали руками, а моторист Керосин-Бензиновича, снова нас обходя, показывал нам конец своего буксирного каната.

В один из дней солнце стало забредать в тучи; после обеда небо вовсе замутилось: все стало тусклым и серым, временами цедил дождичек. Внезапно наш Л-3 запнулся...

— Вероятно вода накопилась в поплавковой камере! — подумал я.

Приткнулись к берегу, сняли камеру карбюратора: в ней только несколько капель воды! Собрали все вновь, попытались завести мотор — однако тщетно... Зажигание? Отвинчиваем свечу, ставим ее на корпус двигателя и проворачиваем заводную ручку — в свече что-то щелкает, между электродами же искры нет!

— Ага, причина найдена! — ставим другую свечку (единственную в нашем запасе). Вращаем ручку... Но она тоже искры не дает!!! Кругом обступила тайбола. Безлюдие... Положение аховое, в которое попали из-за моей безответственной подготовки экспедиции. То, что последняя ее ступень происходила торопью — не извиняет... Безвыходно! Безнадежно! Впереди сплошные неприятности: от непредвиденной ночевки в ненастье до крупных — за невыполненный договор! Злосчастье! Валентин Григорьевич погрустнел. Но вдруг в отдалении тишь нарушается... Шум приближается! Знакомый рокот ЧТЗ катера Лессплава! Вот он, идущий по стрежни, коричневый с белой опознавательной маркой на скуле — изображающей спасательный круг и два скрещенных на нем якоря. СИМВОЛЫ НАДЕЖДЫ! Призывно машем фуражками с рвением Робинзонов. По неписанным правилам мотористов мы со своим Л-3 тоже имеем право

на помощь! Катер сбавляет обороты, поворачивается против течения и медленно, подрабатывая машиной, боком приближается к нам. Из окошка моторного отделения высовывается кудлатая голова:

— В чем дело, ребята!? — кричит она.

Ба! Ведь это знакомый мне Сема, тоже из ссыльных, поселенный в Колпашево молдавский еврей. Встаю. Он меня узнает:

— Что это ты на такую мелкую посуду работать перешел? — спрашивает меня. Объясняю. Объясняя и наше злосудие.

— Ну, это пустячное дело! — заключает Семен, и предает мне две новые, высококачественные авиационные свечи! Семен умеет жить и доставать!

— Еще что надо? — спрашивает он.

— Спасибо! Ничего не надо — теперь мы уже сами!

— Ну, смотрите: а то возьму вас на буксир и с ветерком доставлю в Каргасок!

Распрощались. Катер отчалил, и шум его ЧТЗ затих за поворотом. А мы заводим свой Л-3 с пол-оборота, продолжая плавание.

По Васюгану верстовые столбы не расставлены. Следующее селение должно бы быть Усть-Чижапкой, но сколько до нее? Дождь же пошел крупно... Разумно ли идти дальше или, пока еще окончательно все не смокло по берегам, ставить палатку и ночевать? Пока обсуждаем вопрос, впереди, за кустами, открываются мостки и на них фигурка мальчика. Нам сегодня везет необыкновенно! Когда причали-

ли к мостику, то мальчик нас сперва встречает настороженно: кто такие, откуда, зачем?

— А ты чей будешь? — спрашивает его Валентин Григорьевич.

— Я детдомовский!

Валентин Григорьевич быстро завоевывает его доверие. Валентин Григорьевич знает по имени и отчеству директора детдома и некоторых его воспитателей. Дождь уже сильный и маленький человечек гостеприимно приглашает нас переночевать на заимке Чижапского детдома. Вытаскиваем лодки, нагружаемся частью своего имущества и идем за мальчиком. Заимка совсем близко, но нас по дороге перехватывает подросток с дробовиком, и весь допрос повторяется, но с тем же положительным исходом. Нас поселяют на сеновал под крышу большого коровника, наказав, тут не курить! Еще за один ходок к лодкам перетаскиваем остальное достояние в сухое, пахнущее травами обиталище, тогда как снаружи темнеет и льет как из ведра.

— Спускайтесь с нами ужинать! — приглашают хозяева.

Внизу, в отдельном помещении, плита с вмазанным в нее большим котлом, где греется вода для хозяйства. На плите уже стоят кастрюля с варящейся в ней начищенной картошкой и закипающий чайник. Тепло, уютно, чистым стеклом светит керосиновый фонарь «Летучая мышь».

— Сегодня одна картошка: рыбы из-за дождя не наловили! — извиняются хозяева. Их тут трое и за старшего, встретивший нас подросток лет

тринадцати. Его слушаются беспрекословно двое младших, еще соевем детского возраста.

— Ничего, что рыбы нет, мы добавим в харч своего! — говорит Валентин Григорьевич.

В общий котел идет одна банка тушенки, крупа, а в чайник добавляем половинку прессованного фруктового чая, нарезаем хлеба из нашего запаса да еще в каждую кружку трапезников кладем по три куска колотого сахара. Когда ужин готов, садимся все за стол и так усердно беремся за еду, что вокруг царит молчание. Хозяевам особенно пришлось по вкусу сладкий чай и старший резюмирует:

— Богато живете! — приводя нас своим замечанием в смущение. Удивляло в беседе взрослость суждений этих маленьких людей.

Будят нас поутру звуки множества голосов: это смена ребят детдома приехала. От вчерашней непогоды ни следа. Ласково светит солнце, сверкает еще непросохшая листва. Собравшись, усаживаемся в свои лодки. Наши хозяева тоже примыкают к нам: их дежурство кончилось. Вот и Усть-Чижалка. Большой поселок, в сравнении с другими по реке, широко раскинулся своими постройками не только вдоль берега. Валентин Григорьевич, возглавляя команду, уходит осматривать детдом, я же остаюсь в лодке по каким-то «моторным» делам. На берегу жарко. На моей голове панамка, спитая специально для этого похода. Вдруг чувствую, что тычут меня в спину. Обернувшись, вижу кучку детей, из которой девочка постарше обращается ко мне:

— Дядя, ты откуда панамку взял?

— Как откуда? — спрашиваю удивленно, — ниоткуда я ее не брал: просто она у меня на голове!

— Нет, брал: она Петина! — настаивает девочка. — Петя, у дяди на голове твоя панамка?

— Моя! — уверено заявляет Петя-карапуз.

— Я только что к берегу причалил и из лодки не выходил! Где же я мог Петину панамку взять?

— На берегу! — отвечают мне хором. — Отдай, дядя, панамку!

Ребята дружные. Доводами их не убедить. Делаю предложение:

— Вот что товарищи: давайте сперва Петину панамку поищем вместе! Если не найдем, тогда уж мою берите, хотя она ему велика будет! Где вы в последний раз на берегу были?

Меня ведут за руки к ближним кустам, а оттуда к нам уже выходит молодая воспитательница:

— Почему, Петя, ты никак к порядку не привыкнешь! Все свое разбрасываешь! Панамку свою опять на земле в кустах лежать оставил!

Петя исчезает за спинами сверстников...

Усть-Чижапский Детдом достоин памяти его воспитанников и потомства их! В страшные годы репрессий он дал приют и вывел в люди много сирот, родители которых погибли в ссылке по берегам Васюгана. Сотворить бы ему память. Поставить бы тут именной знак! Сколько человеческих дорог отсюда началось: обыкновенных, значительных и среди них, возможно, блистательно сложившихся! Кто это скажет нам? А может быть надо новый дом построить

и продолжить растить тут детей по заветам Макаренко! Ведь сирот и ныне немало...

Побыв, в Усть-Чижапке плывем дальше. Русло Васюгана становится уже, и берега кажутся от того выше. Местами яр в наряде сосен. Сосна солнечное дерево, лес сосновый устлан мягким игольником, пятнами серых ковров ягеля, воздух насыщен озоном, бодрящим хвойной свежестью. Прелесть! Конечно, кондовый кедрач тоже красив, но по-другому. В нем себя чувствуешь среди высоких стволов как среди колон готического собора: робко.

В июльскую сушь начинаются лесные пожары, неподвластные людской силе. Тогда даже в Каргаске солнце сквозь далекие дымы кажется бронзовым, на улицах пахнет гарью так сильно, что першит горло. Только осеннее ненастье, наконец, укрощает бушующий в тайге огонь.

Миновав очередной поворот реки, открывается еще мной невиданное зрелище Мертвого Леса. Тут лес горел не давнее прошлого лета. Высокие голые черные стволы пихт упираются в небо подобно пикам. Я видывал гари раньше, но уже зарастающие березняком, тут же еще витало уничтожение. Все мы вышли на берег. Тишина... Изредка раздается скрежет навалившихся друг на друга деревьев, когда их шевелил ветер. Ни одной птицы, ни даже комара. У подножия стволов прах пепла. Налетевший пал жег богатые эфиром пихтовые ветви взрывом! Лишь Васюган преградил дорогу дальнейшему неистовству лесного пожара.

До районного центра — Новый Васюган, пароходное сообщение совершалось только в половодье. Старая колесная палубная пассажирская «Тара», почему-то всегда оседая на один бок, успевала за это время совершать туда и обратно всего один рейс, да и то только благодаря ее механику, старому, как она сама, упрямо чинившего ее в таких плаваниях по Васюгану, когда она, повреждаясь, налетала на карчи или топляки. При малой воде плаванью мешали перекаты.

С одним мы познакомились за горелым лесом. Поперек реки, преграждая путь, стояла полоса темной журчащей ряби. Это подводный гребень с перекатывающейся через него водой, в который мы уткнулись носом моторки. Выбравшись босиком на гребень для поиска прохода руслом поглубже, я ощутил ногами странную пластическую, не размываемую течением, холодную глину. Проход нашли, но стремины тут была столь сильная, что даже при работающем двигателе нам свой караван пришлось руками проталкивать верх по нему до спокойной воды. Известен ли состав этих не размываемых Васюганских глин? Известен ли вообще состав Васюганской воды, которая, привыкшим к Обской, кажется сладкой?

О том, что мы преодолели оговоренные договором 200 километров по Васюгану, узнали причалив к небольшой деревеньке, надеясь в тамошнем ларьке пополнить наш запас хлеба. Точка Сельпо нашлась, но с хлебом было труднее: его выпекали без расчета на залетный люд, все же два кирпича мы выпросили. Вместе с Валентином Григорьевичем купили

себе по пачке папирос «Север». Удивила цена «Севера» — в лавке он стоил на копейку дороже, чем в Каргаске. На вопрос о разнице нам объяснили, что это надбавка за завоз товаров.

— А сколько же километров от вас до Каргаска?

— Да сверх двух с половиной сотен будет!

Ура! Задание выполнено! Теперь со стороны Лессплава уже ничего не грозит! Немного побеседовав с посетителями лавочки про их житье-бытье, узнали о близкой смолокурне и соседней речке, на берегу которой жила старикинская парочка знаменитая тем, что зимой хозяйствовали в добром совете в одной избушке, но летом непременно сорились так, что расходились по противоположным берегам, каждый к своему балаганчику.

Смолокурня! Это древнейший завод на Руси, когда смола, воск, меха были постоянным русским экспортом! Как не побывать у смолокуров! Туда повели тележник и наши носы: шли мы дорогой источающей крепкий запах дегтя пока... вот она, смолокурня! Большая гора колотых корневищ свидетельствующая, что труд тут не легкий. Вам приходилось колоть дрова? Тогда конечно попадалось полено не сразу поддающееся топору. А если бы надо расколоть пень! Именно из расколотых пней хвойных деревьев гонится смола и чтобы наколоть из них гору, требуется не только сила, но и соображение, ибо каждый пень имеет свой упрямый норов, который надо раскусить, чтобы пень этот победить: точными ударами расколоть на колотье. Но кто этому научит? Никогда на Руси не существо-

вала школа смолокуров! Умение передавалось устно вместе с навыками, от одного поколения к другому. С виду в смолокурении все просто: кучу колоти покрывают дерном да поверх еще слоем земли, оставляя продухи (как и где — в том одна хитрость смолокурения), а в самом низу созданной так земляной реторты, в лоток вставляется металлическая труба откуда станут вытекать продукты сухой перегонки — сперва немного скипидара с дегтем, потом уже смола. Через продухи, накрытое землей кострище, поджигают и дым густо пойдет через тяговое отверстие на вершине такого кургана. Вот тогда начинается умение смолокура, правильное называемое ИСКУССТВОМ! Без пирометра или иных приборов он должен по чутью определить, когда надо прикрыть тяговое отверстие и продухи так, чтобы в кургане продолжалось только то томление, необходимое для поддержания температуры сухой перегонки. Не менее и не более! Иначе выход будет меньшим или вообще весь ранее затраченный огромный труд пойдет насмарку! Смола гонится долго и потому необходимое для этого время называют **ВЫСИДКОЙ**. Образен и точен русский язык и дай Бог ему не потерять этого свойства впредь! После того, как смолу высидели, остатком будет древесный уголь. Раньше он шел на выплавку железа, имевшее удивительное свойство почти **НЕ РЖАВЕТЬ!**

Все осмотрев на смолокурне, решаем еще навестить странных старичков живущих то розно, то согласно на берегу таежной речки. До выноса ее по Васюгану на лодках было не далеко, но сама речка оказалась

засорена, и прежде чем мы решили не продолжать по ней путь, дабы не напороться на карч или топляк, по подводной части моторной лодки так садануло, что движок наш сразу набрал сверхпредельные обороты.

— Приехали! — крикнул я Валентину Григорьевичу на неводник, заглушив Л-3 ибо сомнения не было: от удара пострадал винт! Взялись и хором выдернули корму моторки: действительно гребной винт без одной лопасти, отломанной по месту сварки. Эх, плохо выполнил сварщик свою работу (или еще не обладал умением?)!

Черту под анализом положения подвел Валентин Григорьевич: — Наверно надо на этом заканчивать экспедицию, отправляясь в обратный путь!

Конечно, решение бесспорно, но как мы будем возвращаться: самосплавом или все же мотором?

Чтобы мотором надо попробовать подогнуть оставшуюся лопасть покруче, этим создав двигателю нужную нагрузку. Попробовали. Удалось! На затесе прибережного дерева я записал химическим карандашом¹: ЧИСЛА такого-то августа и года КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ ЭКСПЕДИЦИИ КДП и КСШ. Тем временем стало очень комарно, что пришпорило нас развернуть лодки и из предосторожности на веслах доплыть до Васюгана. Там завели Л-3: под нагрузкой однолопастного подогнутого винта, обороты движка оказались допустимыми, хоть сопровождалась вибрацией. Пусть так! Другого не дано! Оставляя за кормой пенный след от искаленного винта, мы борзо побежали вниз по течению. Погода продолжала стоять хорошей, на зачаленном полуневоде настроение веселое.

Что им! Какие заботы? Пусть неводничок их течет — он тек уже с самого начала, но сообразив на одной стоянке из прибережного жердняка настил, они теперь быстро выгребали ее веслом когда воды набиралось много! И шахматы, оказывается, тоже с собой в экспедицию захватили! Я же пребываю в постоянном напряжении, опасаясь, что дисбаланс винта тряской распатает набор моторки, вызовет сильную течь корпуса и тогда, что мне делать с мотором? Однако ША! — как говорят в таком случае евреи. Не портить же своими страхами настроение другим!

Возвращение тем же водопутием отнюдь не делало дни скучными: берега виделись теперь в другом направлении, а возросшая скорость (даже при одной лопасти) придавала всему динамику.

1. Несмываемый.

Пережат по нам известной струе мы просто пролетели! По составленной карте с полуневодника оповещалось, что нас встретит за очередным изгибом Васюгана.

Было время Хрущевской оттепели. Еще до нее спецпереселенцы всякими путями бежали из основанных комендатурой колхозов, теперь же это бегство усилилось и мы проплывали мимо покинутых деревень. Вид их рождал во мне запретную тогда мысль: что если желающим остаться, эта земля, политая их слезами и потом, отдана была в собственность? Не умерла бы тогда здесь жизнь, или же даже остаться тут собственником этих угодий никто бы не пожелал?

Обедать и останавливаться на ночь мы старались на тех местах, где и раньше. Там у оставленных кострищ находили вбитыми нами рогульки, чтобы подвесить над огнем суповое ведро, оставленные дрова. Пристанища устраивали споро: ребята норовистей стали, без указа, что кому делать. Свободного вре-

мении прибавилось. Конец дня проводили не спешно ужиная у костра, на который тихим лѐтом спускался августовский вечер.... Спали по утрам дольше, варили супы погуще, и пили чай послаще.

Таким укладом спустились к самому устью Васюгана... Подниматься вверх по Оби на одной лопасти стало скучнее, ход наш был совсем медленным, вибрация моторки усилилась. Но вот проходим место нашей первой стоянки, где еще виден наш флаг, потом плывем мимо нефтебазы: мы уже почти дома!

Впереди, непонятно почему, к берегу пристал большой коричневый буксир, готовясь к отходу. Держу речистее и мы медленно его обходим. Когда моторная лодка прошла широкую корму буксира, а полуневодник еще был под его бортом, наш движок внезапно бешено набирает обороты: идет в разнос! Ясно, не выдержав длительную тряску, отвалилась оставшаяся лопасть винта! Только успев заглушить Л-3 вижу, как полуневодник несет прямо под огромное гребное колесо буксира! Полуневодник, заслоненный кожухом колеса с парохода не виден! Если 1200 лошадей его машины сделают хоть пол-оборота — полуневодник разнесет в щепки! Валентин Григорьевич уже лихорадочно отталкивается от широких, тяжелых плиц колеса... Бросаюсь к веслам и гребу изо всех сил в реку, увлекая за собой зачаленный полуневодник! Слава Богу! Неводничок не заклинило в гребном колесе и он, влекаемый нашей буксирной чалкой, отходит от корпуса парохода... Больше не рискуем и сразу пристаем к берегу: экспедиция закончена! С ней же мое последнее плавание по Васюгану...

На Оби

Действительность, от которой хочется укрыться. Напряженность, рознь, ненависть — все, что было прикрито ложным показным согласием, двинулось через шепоток к гласности и, наконец, разделило одних против других. Где искать примирения? Может быть, в любви к общей планете Земля?

Уж много успели написать о ссылке, о ее несправедливости, ужасах и тоске людей жестокостью лишенных родины. Всяко бывало и чувствовалось, но не о том я сейчас. Когда нам, в силу постепенно изменяющихся к лучшему обстоятельств, уже не на хлебах у голода жилось, радужнее стало видеться окружение, замечаться и красота, и доброта, первоначально заслоняемые обидой на насилие.

Тогдашнего рядового жителя советского сибирского поселка, один лишь заработок не кормил, а заставлял ради своего прожития дополнительно

серьезно заниматься своим приусадебным хозяйством, теснимым социалистическими законами¹. Лето же сибирское коротко, споро, в котором каждый погожий день дорог. И потому поутру сибирский селянин всматривался в небо, стараясь предсказать, что ему сегодня погода обещает, и как с ней согласовать свои дневные хозяйственные труды, чтобы лучшим образом обеспечить себе пропитание в предстоящую долгую зиму.

В Каргаске нам небо виднелось прямо за пряслами огорода, ограниченное зубчатым силуэтом тайги. Бедные избушки его не заслоняли. Это только городской житель с ним разлучен, замечая небо лишь через прозоры каменного громадья домов, порой совершенно о его существовании забывая, бытуя под перекрытиями фабричных цехов, под потолками учреждений и своих квартир.

Селянин же весь день с ним, — высоким в ведра, низким в ненастье, дружелюбным или враждебным.

Со временем мы осибирились — появилось прочное знакомство. Уже не помню, как возникла мысль встретится с Обской вечерней зарей. Наверно тому послужила моторная лодка. Получив одобрение наших хозяек, снабженные припасами (пером лука, огурцами, помидорами, колобком масла), сами купили кирпич хлеба, бутылку водки (что мне таиться!) в Сельпо, еще той,

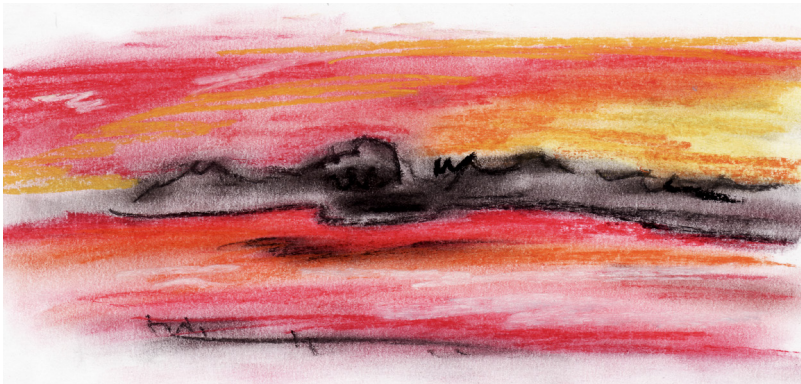
1. Разreshалось не более 0,16 га огорода, одна корова, телок, свинья. С них еще обязательные молоко и мясо поставки! Покоса же выделялось на дальних лугах за Парабелью всего два гектара.

с зеленой наклейкой и горлышком, заткнутым картоннымпяточком, залитымсерымсургучом. Вообще не пьющие, даже при случае строго блюдущие меру, решили взять ее просто как приправу — вместе с солью и перцем. В повечерье, погрузив всю снедь на «Техник» (имя моторки), оттолкнулись в реку и побежали вверх, намечая путь верст на десять. Жара, еще дымившаяся на берегу, отступила перед прохладой воды, создавая в нас чувство выбравшихся из духовки. В такой приятности обогнули поворот, минули заросли тальника и пересекли Обь, продолжая подниматься вдоль стрежневых песков, чуть напоминающих Сахару. Затем, следуя лоцманскому опыту, по фарватеру слабой встречной струй снова перекинулись на противоположный берег, чтобы дальше, через время, вывернуть на середину реки и, заглушив двигатель, отдаться течению.

Все! Глушим свой Л-3 и сразу себя объявляет тихий уют парного августовского вечера. Обь как зеркало... Только местами из глубин свиваясь, поднимаются жгуты струй течения. Иногда рябь от легкого движения воздуха, как след вдоха, скользил по глади реки и, достигнув нас, дарил нам ароматы заливных лугов. Звуки берега слышны удивительно ясно: вот совсем рядом залаяла собака, донеслось бряцание невидимого ведра черпающего воду, женский говор... Это жизнь далекого Подъельника на правобережье... За бортом звучно лякнула по воде большая рыба и снова бархатная тишина...

Накрыв себе стол на капоте двигателя, располагаемся как в театре, готовые к действию природы, где в главной роли выступит Небо.

Тем временем солнце начало клониться к горизонту, желтея и увеличиваясь, постепенно принимая красный оттенок. Облака над ним растянулись в полоску и приобрели золотой край. Теперь закат превратил водяное раздолье в расплав бронзы стынущего по мере слабеющего солнца. Оно же, опускаясь, плющилось и расплывалось над линией тайги, чтобы затем, устав, быстро скатиться в запад.

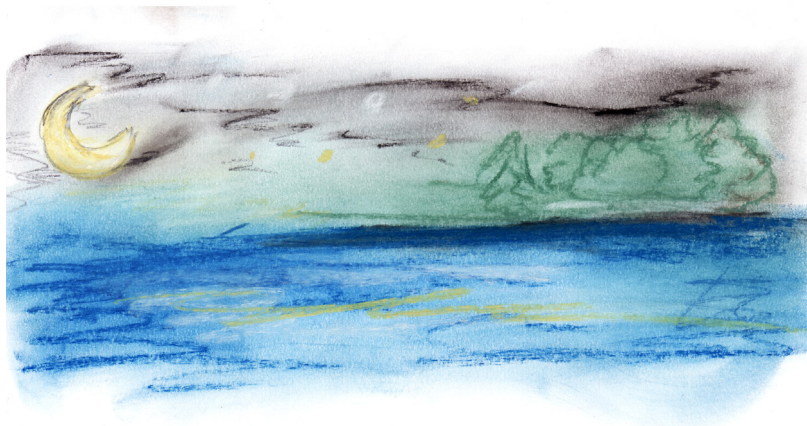
Но лучи его не умолкли, и их волшебством создавалась прекрасная феерия. Небо все стало в переливах, переходах, перетеканий нежнейших красок акварели, о которой только мечтать художнику. Нельзя даже определить множество тонов этой гаммы бесконечности: чайная роза, легчайшая синь туманов, изумруд весенней нежности... Полная невозможность отразить это словом!

А река продолжала закручивать воронки с веретенцами глубокой синевы, извергать плоские водяные бугры своих скорых глубинных потоков, на которых чудесно, размыто отражаясь, повторялось небо.

Феерия длится, краски приобретают силу, звучат громче, настойчивее, и к моменту, когда Валентин, восхищенный зрелищем, трогает мое колено, уже царственно торжествует пурпур украшенный прослойками аметиста... По всему теперь Вечер начал мощными ударами кисти класть тени...

Сидим молча. Каждый из нас в очаровании. Мы, созданные природой, с нею слились, и в нас теперь она себя хвалит. Она щедро одарила сегодня своими красотами и, виденное нами, останется в памяти на всю жизнь!

Но время течет вместе с рекой: с верховий Оби спускается ночь... Ночь ночует, кладет тень на тень

и вокруг сжимается густая непроглядность. Различаем светящуюся шляпку Полярной Звезды, гвоздем вбитую в Земную ось для путеводства странников. Поперек реки брошен пояс звезд. Звездные письмена: Руны неба... Тайна... Если их правильно прочесть, не ошибешься в судьбе своей?

Взошел месяц и проложил к берегу серебряную стлань. Мир спокойно задремал. Тишина снова звенит, но уже печальной струной, потому что предвещает расставание...

Литературно-художественное издание

Степан Климов

Морщины времени. Избранное

Редактор-составитель:

Кристина Рейс

Корректор:

Виктория Ципилева

Художники:

Татьяна Кадетова, Анна Сорокина

Верстка, оригинал-макет:

Кристина Рейс

Обложка:

Кристина Рейс

Сдано в набор 12.06.2012. Подписано в печать 20.07.2012.

Бумага офсетная № 1. Формат 60х84/16.

Гарнитура «Century Schoolbook». Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 8,6. Уч-изд. л. 4,52.

Тираж 50 экз. Заказ №_____

Издательство «Графика ДТР»

634050, Томск, ул. Беленца, 17

Тел.: (3822) 526-515

Отпечатано ООО «Графика»

634050, Томск, ул. Беленца, 17

Тел.: (3822) 510-595

